

ЭЛЛИСОН МАЙКЛС

Любовь в объективе

Эллисон Майклс

Любовь в объективе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69393526

SelfPub; 2023

Аннотация

Зои Харт – фотограф-фрилансер, которая умеет подбирать лучший ракурс для фото, но не мужчин для любви. Она узнаёт, что Грант, с которым она год встречалась, женат и всё это время её обманывал. Чтобы отплатить ему за обиду, Зои отправляется к его жене, но сталкивается с необычным незнакомцем. Тони Скайлер – частный детектив, который построил бизнес на изменах и слежке. Это шанс для Зои восстановить справедливость и отомстить всем неверным мужчинам. Но главное в этом деле – не потерять веру в настоящую любовь.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	20
Глава 3	44
Глава 4	57
Глава 5	75
Глава 6	87
Глава 7	96
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Эллисон Майклс

Любовь в объективе

Пролог

– Ты женат?!

Креветка на моей брускетте разделяет всеобщее возмущение, медленно соскальзывает с лоснящегося соусом хлеба и шлёпается на ковёр. В двух сантиметрах от носка моих туфель «Валентино», что *он* сам же и подарил на День всех влюблённых. Я ещё тогда думала: какая романтическая игра слов! «Валентино» от Святого Валентина.

Но теперь мне хочется снять эти самые чёрные туфли со слегка заострёнными носами и маленькой снежинкой на пряжке – просто прелесть! – и запустить ими прямо Гранту в голову. Должны же высокие шпильки сгодиться для чего-то более значимого, чем боль в лодыжках. Например, для боли в черепушке одного гадкого изменника.

Грант будто прочитал мои мысли и решил работать на опережение. Вскочил с дивана, скрипнув своими идеально гладкими стрелками на брюках по такой же гладкой коже обивки, и выбрал тактику держаться на безопасном расстоянии. По крайней мере, использовал журнальный столик как щит.

Я всё ещё не могла поверить и тупо хлопала ресницами, всё так же держа брускетту на весу. Правда креветка с неё давно сбежала, оставив вяленый помидор пропитывать хлеб в одиночку.

– Как такое может быть? – Ахнула я, когда снова вспомнила, как воспроизводить звуки. – Мы ведь вместе целый год! Ты целый год врал мне?

– Прости, Зои, но как о таком рассказать?

Я позеленела от возмущения и, наконец, бросила брускетту на тарелку к остальным закускам, что обсыхали в духоте квартиры.

– Ну, например вот так. – Если я начинаю корчить рожицы, я дошла до высшей точки кипения. – *Меня зовут Грант Беккет, и я женат.* Или же, *не хотите выпить со мной кофе, если вы не против, что я женат.* Или, в конце концов, *давай поедem к тебе. Почему к тебе? Да потому что я женат!*

На последней фразе я не удержалась и вскочила, словно между диванных подушек пробралась пчела и всадила своё жало мне в пятую точку. Хотелось броситься через тот самый журнальный столик, заваленный едой и заставленный бокалами с шампанским – дань нашей первой и последней годовщине – и вклепить этому мерзавцу самую смачную пощёчину. Но я стала расхаживать по гостиной, дятлом стуча каблуками и выводя из себя соседей снизу, разгадывая эту уму непостижимую загадку: как я могла целый год не заме-

чать очевидного?

У Гранта были красивые руки. Длинные, изящные пальцы с ухоженными ногтями. Ни шрамов, ни мозолей, ни грубых участков. Раз в неделю он делал маникюр в салоне, шлифовал, полировал и подпиливал – мужчины вроде него должны выглядеть на все сто, учитывая, сколько в день он пожимает рук, как часто мелькает на экране в новостях и подписывает важные документы. Я обожала эти руки и ни раз целовала, прикасалась губами к его пальцам. Но ни разу, чтоб его, мои губы не наткнулись на обручальное кольцо. Ни на одной фотографии в газете или новостной ленте золотой ободок не сверкнул под блеском ярких ламп. И даже сейчас, когда он примирительно выставил ладони вперёд, кожа на них идеально ровная, без выцветшего следа от кольца на безымянном пальце. И от этого мне ещё больше захотелось их переломать.

– Зои, давай мы оба успокоимся и спокойно всё обсудим.

– Спокойно обсудим?

Не самое разумное предложение, потому что моё спокойствие испарилось в тот момент, когда он признался, что женат. Я подлетела к нему и стала тыкать указательным пальцем в его твёрдую грудь под рубашкой от «Тома Форда».

– Ты – жалкий изменник! Водил меня за нос целый год! Сделал из меня любовницу! Как? Как ты вообще умудрился столько времени держать свой брак в тайне? Ты ведь публичный человек, ты постоянно в телевизоре.

– Моя жена... – Грант вздохнул и запустил руки в волосы, словно от этого контакта в ней проснётся какая-то блестящая идея, которая его спасёт. – Она не любит весь этот ажиотаж. Ненавидит быть в центре внимания. Она никогда не ходит со мной на мероприятия и не даёт интервью. Ей нравится оставаться в тени, быть дома с мальчиками.

Я дёрнулась. Его слова огрели меня по затылку чугунной сковородкой. Увидев мои бешеные глаза, Грант и сам осознал, что проговорился и рискует сегодня не выбраться отсюда живым.

– Мальчиками? Так у тебя есть ещё и дети?

– Два сына. – Извиняющимся тоном пролепетал он.

Боже, какой же он отвратительный и жалкий в этот момент. За пределами моей квартиры великий Грант Беккет заключает миллионные сделки, растаптывает конкурентов в порошок и уверенно разваливается на диване перед камерой, когда участвует в каком-нибудь ток-шоу или обсуждает серьёзные вещи для новостных порталов. Но сейчас... вся эта самоуверенность и спесь смахнули с его плеч, и вот уже Грант Беккет, владелец «Глобал Медикал», стелится передо мной, как половик в прихожей. Но вряд ли я могу принять это на свой счёт. Он не боится потерять меня, скорее репутацию. Боится стать главной сенсацией Бостона и держать ответ не только перед женой, но и перед всем честным народом.

– Два сына... – Шепчу я себе под нос. – Боже, во что же

ты меня втянул. Какая я идиотка! Если бы я только знала, что у тебя семья... Я бы ни за что... Но ты, засранец, – снова тычок в грудь. – Сделал из меня любовницу!

Грант разлепил свои тонкие губы, что минуту назад попивали «Шато Монтюс» из хрустального бокала, набор которых он сам же мне и презентовал, собирался что-то сказать, но я его опередила. Не могу выслушивать эту ложь ни минутой больше.

– Убирайся. – Теперь мой указательный палец метнулся в сторону двери в весьма однозначном жесте. – Видеть тебя не хочу.

– Но, Зои. – Видно, грандиозный и могущественный Грант Беккет ничего не смыслил ни в намёках, ни в жестах, ни в прямом тексте. – А как же тот год, что у нас был?

– Не ты ли сам растоптал его только что? Господи! Да я думала, что влюбилась в тебя, а ты ответил мне, что женат! Ты хоть любишь свою жену?

Глаза Гранта, в которых ещё пять минут назад я готова была утонуть, пойти на дно как продырявленная баржа, теперь вызывали во мне лишь отторжение. Они не могли меня разжалобить, какую бы душещипательную историю не рассказали эти губы, что я когда-то с наслаждением целовала.

– Не знаю. У нас не всё гладко в последнее время.

– Это ведь брак! – Чуть не завопила я в ответ. – Он и не может быть гладким! Брак ведь как только что положенный асфальт! Блестит и сверкает только в первые несколько лет,

но постепенно на нём появляются ухабы, ямы. И ты не должен был съезжать с неё на другое шоссе, Грант! Ты должен был взять каток и переложить его заново.

Я выдыхаюсь, как спущенный шарик на оконченном дне рождения. Грудная клетка вся горит от негодования, обиды и ярости, а ноги не удерживают даже безумно удобный каблук от «Валентино». Грант произносит моё имя, делает шаг ко мне, но я отступаю. Мы словно исполняем танец страсти и горечи.

– Я не хочу быть твоей запасной дорогой, Грант. Уходи.

– Неужели нет никакого шанса?

– Возвращайся на своё ухабистое шоссе, Грант. Возвращайся к жене и сыновьям. Здесь ты заехал в тупик.

Не знаю, отчего меня так потянуло на метафоры, но уж всяко лучше, чем поливать его бранью из гидранта. За мной было последнее слово, и Грант понял это, потому как тут же приосанился, поправил и без того идеально сидящий пиджак «Армани», провёл пальцами по шевелюре. Не оставил ни намёка на того ничтожного и беспомощного горемыку, которого строил из себя минуту назад. В этом весь Грант Беккет. Актёрские навыки никогда не повредят в большом бизнесе и уж тем более придутся кстати в делах сердечных. Но я больше не поведусь ни на одно из его амплуа.

– Мне жаль, что так вышло, Зои. – Вроде даже вполне искренне бросил Грант, прежде чем двинуться к выходу. – Мне было хорошо с тобой.

Но ты женат. Чуть не брякнула это вслух, но вовремя сдержалась. Всё, что он получил от меня на прощание после целого года отношений, – это грозный взгляд из-под нахмуренных бровей.

Но стоило ему сделать последние два шага к двери, как внутри всё защемило. Вспышка тягучей боли, которая накачивает, если прищемить палец дверью, вмазаться мизинцем о тумбочку или распрощаться с женщиной, которого почти полюбила. Мне захотелось окликнуть его, напрыгнуть сзади и обнять за спину, попросить никуда не уходить, но так нельзя. Сама того не зная, я вклинилась в чужую семью, отобрала Гранта у другой женщины и их детей, и обзавелась совсем не презентабельным титулом «любовницы». Я не могу и дальше жить с этой ношей, как ни в чём не бывало.

Но вот кожаные туфли Гранта скрипят, когда он оборачивается у самой двери. Его рука задерживается на ручке, так и не повернув её. Его обаятельное лицо, с заметными морщинами у глаз и янтарными глазами, в которых отражается скромный интерьер моей квартирки, глядит в мою сторону. И я надеюсь. Надеюсь, что он меня не послушает. Скажет, что никуда не уйдёт, и что жена для него уже ничего не значит. Что ту дорогу уже не переложить новым асфальтом, остаётся лишь перекрыть её знаками «проезд запрещён» и двигаться другой дорогой. Вместе со мной.

Его губы приоткрываются. Медленно, словно он боится произнести всё это вслух. Я задерживаю дыхание, хотя ни-

когда не любила нырять, и жду, что сейчас он скажет о своих чувствах. Будет молить меня не выгонять его.

– Надеюсь, это останется между нами?

И тут я задыхаюсь.

Глава 1

– Идите к чёрту!

Телефон запел уже раз в десятый, но я оставила его на тумбочке у телевизора, так что приходится выслушивать эти бездарные песнопения. Потому что я даже не могу сползти с дивана, выбраться из кокона одеял и отключить звук. На дворе вполне себе жаркий июнь, а я укуталась в два пледа с головой и всё равно продолжаю дрожать. Голова тяжелее гири и постоянно тянется к подушке, потому что мои плечи слишком слабы, чтобы её удержать. Всё тело ломит – чувствую себя куклой, которую отобрали у младшей сестрёнки и которой выкрутили пластмассовые руки в разные стороны.

Любой врач скажет, что это симптомы простудной лихорадки. А я бы возразила, что это синдром разбитого сердца. Упоминаний о нём не найти ни в одном медицинском справочнике, хотя надо бы занести этот недуг в отдельный раздел медицины и выдумать лекарство, что снимет боль в груди, уничтожит микробы обиды и окажется воздействие на паразита, что посмел тронуть чьё-то сердце. Я бы с радостью приняла какой-нибудь антибиотик из спектра «анти-Грант», но пока что такого не существует в природе. Поэтому уже второй день я лечусь народными средствами. Ведром ванильного мороженого «Баскин Роббинс», солёными крекерами-рыбками и эклерами из «Дорсет Бейкери». Про-

веренные средства и гораздо эффективнее каких-то там антибиотиков, потому что их можно принимать вместе с красным, полусладким.

А ещё в план моего самолечения входит полнейшая изоляция от мира за окном. Никаких клиентов, фотосъёмок и разговоров по телефону. Только я, бесконечные серии ромкомов по телевизору и диван. Вчера я даже поленилась сделать десять шагов до спальни и ночевала прямо здесь, посреди гостиной, с пультом в одной руке и пакетом попкорна в другой. Жалкое зрелище, но порой так хочется побыть жалкой. Мне была нужна эта передышка, чтобы полностью избавиться от симптомов Гранта Беккета. Но что-то подсказывало мне, что вместе с синдромом разбитого сердца я подхватила настоящую лихорадку.

Телефон замолчал, но буквально через две секунды закричал снова. Чтоб тебя! Я специально оставила мобильник вне зоны досягаемости, чтобы в момент максимального отчаяния не начать перечитывать переписку с Грантом – наверняка, он удалял её, едва переступая порог дома, – не позвонить ему или не начать лазить в интернете в поисках любого упоминания о его жене и сыновьях, которые я могла пропустить, пока носила розовые очки.

Тот, кто разрывал динамики моего мобильного, наверняка задался целью достать меня. На мгновение я глупо размечталась, что звонит Грант. Сказать, как ему жаль, каким идиотом он был. Вроде:

– Я ушёл от жены. Теперь мы сможем всегда быть вместе.

А долго ли вообще длится это «всегда»? Неужели в этом мире ещё остались те, кто фразы «жили долго и счастливо» или «до конца своих дней» воспринимают всерьёз и хранит клятвы до того самого конца?

Перед глазами не было наглядного примера, каково это «долго и счастливо», но Грант Беккет заставил меня пересмотреть свой циничный взгляд на отношения, как только встал перед объективом и улыбнулся. Разыграл одну из своих ролей перед камерой, потому что знал, что его снимает глупая, романтическая девчонка. То есть я. И я купилась.

Мне польстило внимание кого-то, вроде Гранта Беккета. Я была бы рада любому вниманию, если уж на то пошло, потому что не привыкла, чтобы вокруг роились парни, тем более такие привлекательные и успешные мужчины, как Грант.

В ту первую встречу я мало что о нём знала. Лишь то, что он какая-то акула бизнеса и плавает только в крупных бассейнах с кристально чистой водой из денег. Пару раз видела его снимки в журналах и газетах, а он появлялся всюду: и на матовых чёрно-белых полосах серьёзных изданий, и на глянце женских журналов, которые раскладывали в салонах красоты и залах ожидания. Но в тот день я загуглила всё, что только можно было о Гранте Беккете.

Сорокатрёхлетний бизнес-магнат родом с маленького клочка земли в Миннесоте, на границе с Канадой. Он перебрался в Бостон, поближе к солнцу, океану и возможностям.

Он был старше меня на пятнадцать лет, но компенсировал эту разницу достижениями. На него трудилось больше четырёхсот человек, вскоре он открывал филиал «Глобал Медикал» в Нью-Йорке, умело уворачивался от пуль конкурентов и при этом был нежен в постели, как будто годами изучал ни предпринимательство, а искусство соблазнения.

Да, мы виделись нечасто. Дважды в неделю и редко на выходных, когда Грант оставался ночевать в моей квартире. К себе он никогда не приглашал, и надо было забить тревогу уже тогда, но я была слишком польщена его вниманием и слишком заколдована его обаянием, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Мы редко выбирались в люди, чаще всего ужиная и наслаждаясь друг другом на диване в моей гостиной. Лишь раз ездили провести уик-энд на остров Нантакет и в прибрежный городок Нью-Хейвен. И он ни разу не заикнулся о женитьбе или о том, чтобы жить вместе. Все эти звоночки давно должны были слиться в угрожающую симфонию, но я не хотела ничего слышать.

И вот я здесь. На том самом диване в своей гостиной, слушаю тишину и завывания мобильного, пока Грант Беккет живёт себе дальше. Наверняка сейчас он обедает в компании своей красотки-жены или бизнес-партнёра и даже не вспоминает меня.

Интересно, какая она? Миссис Беккет? Рядом с ним я представляю Афродиту в современном амплуа – ухоженная лучшими салонами красоты, обласканная лучшими тканя-

ми заморских кутюрье, с фигуркой, выточенной лучшими персональными тренерами спортклубов. Она не обременяет себя какой-то там работой с девяти до шести, а посвящает всё свободное время детям, дому и благотворительным мероприятиям, где с такими же как она утончёнными и благовоспитанными дамами перемывает косточки всем недостойным мира сего. Определённо блондинка. Стройная и изящная, со вкусом и собственным неповторимым стилем. Воспитанная и знающая себе цену. В общем, полная моя противоположность.

Вот бы одним глазком взглянуть на неё. На женщину, чьего мужа я украла самым бессовестным образом. Чей муж таким же бессовестным образом украл целый гол моей жизни и сердце в придачу.

Хотя, постойте-ка... Я ведь могу это сделать! Отчего-то мне отчаянно захотелось узнать миссис Беккет получше. Схватив телефон и проигнорировав двадцать два пропущенных, – один от мамы, один от клиентки со вчерашней фотосессии, пять с незнакомого номера и остальные от Даффи – я тут же принимаюсь штудировать просторы интернета, лишь бы наткнуться хоть на малейшее упоминание о миссис Беккет.

«Бостон Глоуб»: сплошные хвалебные оды тому, как Грант Беккет из небольшой фирмы создал огромную корпорацию по производству медицинского оборудования. И никакой миссис Беккет. «Бостон Джеральд»: лавры за вклад в

коммерцию города и краткие выжимки о проделанных успехах за год. И ни слова о миссис Беккет. Тогда я заглянула в менее серьёзные, но более гламурные издания, и даже прошерстила жёлтую прессу.

«Бостон Феникс»: биография с подробным описанием того, где учился Грант Беккет, как жил в Миннесоте и почему вообще решил заняться бизнесом здесь, в Бостоне, на другом конце страны. И ни единого намёка на то, что он семейный человек.

«Бостон Мэгэзин»: подборка любимых фильмов Гранта Беккета, его книжные рекомендации, причём в основном это бизнес-коучинг и книги по саморазвитию. Фу, как скучно. Неужели, их и правда кто-то читает? Много воды про любимые рестораны и то, как он проводит свободное время. Грант наплёл кучу всего. От гольфа до бассейна, но даже не подумал вписать в свой список миссис Беккет или меня.

Когда я уже совсем отчаялась, на глаза попала статья из «Санди», датированная прошлым годом. Та самая, что свела нас вместе. Фотографии Гранта Беккета оккупировали целый разворот. Неплохую я проделала работу тогда, учитывая, каким зажатым казался Грант. Естественный и обаятельный, он смотрел на меня с экрана теми самыми янтарными глазами, что вчера смотрели на меня сперва с мольбой, а затем с лёгкой опаской: придам я наши отношения огласке, лишь бы поквитаться, или поступлю по совести? Я решила молчать. Это не имело никакого отношения ни к со-

вести, ни к моей «почти-любви» к Гранту. Мне было жаль миссис Беккет и её сыновей. Они не заслужили того, чтобы захлебнуться в грязи, что на них обязательно полилась бы со всех страниц подобных журналов. Они и так вытянули проигрышную карту: их муж и отец был тем ещё подонком, который не умеет держать себя в штанах.

Я вдоволь насмотрелась на лощёного, с иголки разодетого Гранта Беккета на странице «Санди», чтобы снова покрыться иглами злости. Дикобраз под одеялом, ей богу. Так я ничего не найду. Если я хочу что-то разузнать о семье Гранта, то нужно действовать по-другому.

Не вполне сознавая, зачем я вообще это делаю, я скинула одеяла прямо на пол, где всё ещё виднелось жирное пятно от той самой кровати, что шлёпнулась туда с брускетты, и метнулась в спальню. Натянула свободные джинсы и набросила толстовку прямо на пижамную майку, которая провонялась потом, чипсами и моей печалью. Нет желания лезть в душ. Я хотя бы поднялась с дивана и собираюсь выйти из дома – уже хоть что-то. Первые шаги к выздоровлению намечены.

На выходе я нацепила бейсболку, чтобы стать ещё незаметнее, и прихватила с собой фотоаппарат. С ним я никогда не расстаюсь. А сейчас мне предстояло ответственное задание. Я собиралась выследить миссис Беккет и... по правде сказать, не знаю, что дальше. Рассказать ей о муже-Казанове или промолчать? Буду действовать по обстоятельствам, но пока я должна была увидеть её. Единственную в мире жен-

щину, кто могла бы понять мою боль.

Глава 2

Таксист если и ужаснулся моей наружности и запаха, то виду не подал и послушно отвёз в Гайд Парк. Промолчал всю дорогу и даже не включил радио, так что пришлось безмолвно лицезреть городскую суматоху и нервно постукивать пальцами по колену.

Шервуд-стрит, 26. Довольно опрометчиво со стороны Гранта было называть свой настоящий адрес, если он не хотел, чтобы я заявлялась к нему домой. Обронил во время одного из тысячи наших разговоров. Если, конечно, это правильный адрес. Выглядит вполне в духе Гранта.

Район Гайд Парка всегда представлялся мне мечтой. Слишком ухоженный, слишком зелёный, слишком помпезный. Небо и земля, по сравнению с Джамайкой Плейн, где затерялась моя квартирка-студия. Там снуют странные личности, от которых лучше держаться подальше и переходить на противоположную сторону улицы, если хочешь остаться цел. Там путешествуют перекати-поле из пыльных клочков, выброшенных упаковок от фаст-фуда и мусорных пакетов.

Но здесь всё иначе. Пару минут я позволила себе пооглядываться, когда такси уже укатило восвояси. Грант обитал в тихом, спальном убежище, усыпанном коттеджами и особняками пошкарней, как платье модницы – пайетками. Многоэтажная застройка плавно перетекла в уютные домики –

некоторые еле виднелись за живой оградой из туй, другие будто специально выставлялись напоказ, выглядывая из-за жиденьких решёток.

Дом под номером двадцать шесть стоял в рядке по правую руку и почти ничем не выделялся среди остальных. Трёх-этажный особняк из белого камня с покатой крышей. Как-кая-то шипучка из современного стиля и дани архитектуры прошлого. Но мне нравится. Не те бездушные дома, подбитые под гребёнку минимализма и технологичной невзрачности.

Парадный вход – ни дать ни взять королевские врата. Двойная стеклянная дверь в пол, от которой в разные стороны расходятся ступени. Ажурные перила цвета позолоты, как и кантик, обрамляющий оконные рамы. Чуть правее, чтобы не мешать дому сиять и хвастать своей красотой и богатством, гараж на две машины, выполненный в том же стиле и с тем же шиком, что и сам особняк. Вот где паркует свой «мерседес» Грант. Интересно, на какой машине ездит его жена? Есть ли у неё вообще права или она не обременяет себя вождением? Вдруг под рукой всегда готовый водитель, что вмиг домчит до больницы, если у одного из сыновей поднимется температура, или до французского ресторана, если миссис Беккет захочется изысков в компании подругек-сплетниц.

А здесь могла бы жить я. В какой-нибудь параллельной вселенной, где Грант – не урод, я – не любовница, а его жены

просто не существует. И это я могла бы разъезжать по французским ресторанам с личным водителем, попивать просекко в двенадцать утра и переделывать маникюр по несколько раз в неделю в каком-нибудь дорогушем салоне, вроде «Мэриголд», куда записываются за полтора месяца, и где маникюр стоит, как моё недельное меню. Я узнавала.

Представив себе такую жизнь, я поёжилась. Это не по мне. Мне нравятся красивые вещи, этот дом и возможность не беспокоиться о деньгах, но всё остальное... Не хотелось бы стать пустышкой на груди у мужа. Мне нравится моя работа, пусть я и не стала известным фотографом, о чём мечтала лет с пятнадцати, как только попросила на день рождения хороший фотик, чтобы снимать красоту вокруг. Так что праздное безделье не по мне. Но по мне – счастливая жизнь с любимым мужчиной. Вот только Грант растоптал всё это всего тремя словами.

Слишком долго я бесцеремонно разглядывала дом Гранта, поэтому быстренько шмыгнула в тень огромного дерева на противоположной стороне улицы и затаилась. Что я творю? Буду сидеть здесь в засаде? А что, если меня заметят соседи или, чего хуже, сам Грант или его охрана. В таком особняке наверняка есть охранник, ведь правда?

Повезло, ограда из туй укрывала меня от взгляда из дома справа, а за гаражом дома слева не разглядеть окон, откуда меня могут спалить хозяева. А если я не могу видеть их, значит, они не видят меня. Прижавшись к толстому стволу, я

попыталась слиться с ним воедино. И что дальше, Шерлок? Стоять тут полдня, пока дом не подаст хоть какие-то признаки жизни. Надо отдать должное, место для засады я выбрала отличное. На меня никто и не обратит внимания, зато мне открыт обзор почти на весь двор Гранта. А главное, на парадный вход. Я её не упущу. А как только увижу... Не знаю, правда, что сделаю, но решу потом.

И я стала ждать. Первые полчаса было даже забавно, а потом я откровенно заскучала. За это время по этой тихой, всеми забытой улочке проехало лишь три машины. Мимо пробежала спортивного вида девушка с болтающимся хвостиком и массивными наушниками. Да стареющая, но очень милая пара вывела на прогулку такого же стареющего и такого же милого спаниеля. Дверца в опочивальни Гранта Беккета не открылась ни разу. Сам он наверняка зарабатывал очередной миллион, строил глазки какой-нибудь молоденькой, красивой секретарше, нанятой совсем не для того, чтобы переадресовывать вызовы, и врал жене, что к ужину будет дома. И во всей этой кутерьме дел ни минуты, чтобы вспомнить обо мне.

Меня всё ещё лихорадило, но непонятно от чего больше. От простуды или волнения, что сейчас меня споймают с поличным. Спустя ещё час я пожалела о том, что устроила эту тайную операцию и уже готова была отправляться домой, но тут окно второго этажа приоткрылось. Я сразу же вжалась в ствол, словно меня тут же разоблачат, если я попадусь на

глаза.

Солнце бликовало в квадратиках стёкол, так что я не могла ничего разглядеть. Удостоверившись, что на улице ни души, я включила фотоаппарат и направила в сторону окна. Покрутила объективом, приблизила к открытой форточке второго этажа и стала всматриваться в видоискатель. Никого. Дьявол. Я могу так простоять целый день, а меня уже начинало мутить. Пора заканчивать с этим безумием. Да, точно. Поеду-ка я домой. У меня всё равно духу не хватит подойти к миссис Беккет и выложить всё, как на духу.

И только я уже мысленно настроилась на поражение, как парадные двери дома Гранта распахнулись и оттуда высыпали двое мальчишек. Сердце тут же принялось отплясывать чечётку о рёбра, а я слилась с деревом в одно целое.

Я едва успевала замечать прыгающие головы мальчишек, бегущих по лужайке куда-то к гаражам. Весёлые, жизнерадостные, заласканные любовью дети. Тот, что повыше, кучерявый, помладше – в круглых очках и чем-то похож на Гарри Поттера. Я не из тех, кто с лёгкостью определяет возраст, но на вид им было лет десять и восемь. Одеты аккуратно и довольно просто – рубашечки с коротким рукавом и джинсы. Хотя, наверняка эта «простота» куплена в одном из бутиков в «Коупли Плейс», куда я даже поглазеть боюсь зайти.

– Донован! Эндрю! Подождите меня!

И тут из дома выплыла *она*. Миссис Беккет собственной

персоной. На сей раз моё сердце забилося так сильно, что могло бы подпитать рабочий цех какого-нибудь завода. Сначала на крыльцо вышагнула стройная нога в белых брючках и на высоком каблуке. Чёрт, я одеваю такие только по особым случаям, вроде юбилея мамы или свадьбы – то есть раз в десять лет. Для миссис Беккет же за особый случай сойдёт поход по магазинам, поездка в аптеку или те самые дела, куда они отправлялись сейчас всем семейством.

Мне стало стыдно за свои желания, но как же я хотела, чтобы жена Гранта оказалась неказистой мегерой с косым взглядом и залысиной на затылке. Но она была сногшибательна. Миниатюрная и стильная, с эффектным каре и сложным окрашиванием. Половина её лица пряталась за массивными солнечными очками, но я и так могла поклясться, что у неё личико Афродиты. И она из тех женщин, кому не нужно окунать лицо в косметичку, чтобы отлично выглядеть. Хотела бы я посетовать на то, что всё возможно с такими деньжищами, что зарабатывает её супруг, но наверняка миссис Беккет от природы красива.

И ей Грант изменял... со мной. Сколько бы мужчины не сокрушались о женской логике или о том, что такого понятия и вовсе не существует, сами они вели себя далеко не логично.

– Чур я на переднем! – Завопил кто-то из детей.

– Нет! – Послышался более тоненький голосок. – Ты вчера ездил! Сегодня моя очередь!

– Донован, я обещала, что Эндрю сядет впереди.

Голос миссис Беккет такой нежный и тягучий. Ей богу, ириска, которую хочется смаковать и смаковать. Она за секунду подавила конфликт, даже не повысив тона. Спокойная и уравновешенная, вряд ли она грызёт Гранта, высасывает из него кровь и выносит мозг, как многие жёны. Она – стопроцентная «десятка». Тогда почему? Почему, Грант, ты променял такую женщину на кого-то вроде меня?

Похоже, миссис Беккет и водитель не нужен. Вся троица скрылась из зоны видимости, когда зашла в гараж. Пять минут они рассаживались по местам, после чего дверца гаража поднялась, а ворота разъехались в разные стороны. Блеснул красный глянец «шевроле малибу», когда машина принялась аккуратно выезжать со двора. Она за рулём и никакого нанятого извозчика. Младший на переднем сидении, второй недовольно дуетесь сзади.

Сейчас они уедут. Это мой шанс... На что? Выпрыгнуть из-за дерева, как маньячка, растопырить руки и упасть перед капотом? Отряхнуться и заявить прямо перед детьми, что её любимый муженёк ходит налево и спит с какой-то «шестёркой», от силы «семёркой», когда женат на «десятке»? Но что-то же надо делать, а не стоять таким же деревом как то, за которым я прячусь.

Я только собиралась выскользнуть из тени, как на моё плечо легла тяжёлая рука.

– Извините, но мне нужен ваш фотоаппарат.

– А? – Только и вякнула я в лицо мужчине в шляпе и пиджаке, который с нетерпением тянул руки к моему «Кэнону» и при этом озирался на тот самый дом с туями по периметру.

– Ваш фотоаппарат! Он мне нужен.

От такой наглости я потеряла дар речи и стала бережно укрывать фотоаппарат, что висел на груди, от назойливых ручонок незнакомца. Да кто он такой, чтобы требовать моё личное имущество с такой дерзостью, словно оно принадлежит ему.

– С какой стати?! – Изумилась я.

– Прошу вас, это вопрос жизни и смерти!

– Не знаю ни одного случая, когда умирали из-за того, что им не дали пофотографировать.

– Да что б вас. – Чертыхнулся мужчина, полез в задний карман брюк и выудил бумажник. – Я заплачу вам двадцать баксов, если вы сейчас же дадите мне свой фотоаппарат.

Я чуть не рассмеялась ему в лицо, но он не шутил. Скорее, выглядел так, словно и вправду случится что-то непоправимое, если он не заполучит этот чёртов «Кэнон».

– Вы серьёзно? – Хмыкнула я, всё ещё закрывая аппаратуру от этого хама. Мало ли что он может учудить? – Собираетесь купить фотоаппарат стоимостью в несколько тысяч всего за двадцать баксов? Я похожа на идиотку?

– А я похож? – Огрызнулся незнакомец. – Я не собираюсь покупать его! Мне всего-то нужно сделать пару снимков!

Видя, что взятка в виде двух банкнот на меня не действу-

ет, он комком запихнул их обратно в карман и кивнул в сторону отъезжающего красного «шевроле малибу». Чёрт, из-за этого хама я упустила возможность уличить Гранта. Зато мужчина за свою возможность ухватился и выпалил:

– Я могу рассказать этой дамочке, что вы за ней следили.

– Что? – Выдохнула я весь кислород улицы. – Да как вы? С чего вы?..

– Бросьте. Я сижу здесь в засаде намного дольше вашего и успел понаблюдать за вами.

Что? Так меня раскусили. Кто был этот таинственный мужчина в фетровой шляпе и твидовом пиджаке абсолютно не по сезону. Вряд ли ему принадлежал один из домов. Скорее, он сам был здесь самозванцем, как и я.

Видя мой испуг, незнакомец смягчился.

– Если выручите меня, то я не стану сдавать вас.

– Это шантаж!

– Самой чистой воды. А теперь прошу вас. – Его пухлые пальцы-сардельки раскрылись перед моим лицом, выпрашивая фотоаппарат. – Всего пара снимков, уверяю вас. Я не собираюсь его красть. Вы взгляните на меня.

Я подчинилась. Осмотрела его с ног до головы. Сбитый, в неудобных для бега ботинках и с шарообразным торсом над кожаным ремнём брюк. Когда-то его можно было назвать здоровяком, но теперь он стоптался и расплылся, хотя всё ещё сохранил крепость молодого тела.

– Как по вашему, далеко я убегу с этим пузом?

Я всё ещё не доверяла ему. Ещё бы! Какой-то сумасшедший требует твой фотоаппарат, чтобы пофотографировать. Что? Красивые дома? Ухоженные клумбы? Меня не пугала его угроза – почему-то я была уверена, что он ничего не скажет миссис Беккет. Как бы грубо и самонадеянно он сейчас себя не вёл, он выглядел добряком.

– Не знаю, зачем я это делаю. – Вздохнула я, снимая фотик с шеи. – Но я дам вам попользоваться им, если...

Его рука уже ухватила за корпус, но я потянула фотоаппарат на себя.

– Если вы мне расскажите, что происходит.

– Ладно. Если вы обещаете меня не сдавать.

– А вы меня.

– По рукам.

Я выпустила камеру из рук и стала ждать, что мой новоиспечённый сообщник станет делать. Бросила быстрый взгляд в конец улицы и заметила, что красный «малибу» как раз завернул за угол и исчез из поля зрения. Но даже не успела пожалеть о том, что так и не раскрыла все карты, потому что мужчина перебежками бросился в сторону.

– Эй!

Я кинулась за ним, коря себя за то, что всё же доверилась воришке. Но мужчина и не думал красть камеру. Он прижался к ограде и стал заглядывать из-за туй во двор особняка из красного кирпича. Немного попроще, чем дом Гранта, но тоже внушительный домина, хотя по здешним меркам на-

верняка так, обычный домишко.

– Что вы делаете? – Зашипела я, хотя в радиусе пятиста метров не было ни одной живой души. Только кот мяукнул где-то поблизости, словно предупреждая, что расскажет о наших чёрных делишках.

– Слежу кое за кем.

– Вы папарацци?

Мой вопрос позабавил мужчину, и он хохотнул, хотя взгляд его был сосредоточен на окнах.

– Чёрт, отсюда плохо видно. Надо подойти поближе.

Поближе? Куда уж ближе? Его большой нос уже побывал на частной территории, просунувшись через прутья забора. Не обращая внимания на мои тихие возмущения, лазутчик оценил обстановку. Шервуд-стрит предоставляла полный карт-бланш любому, кто хотел бы сделать что-то незаконное и остаться незамеченным. Та энергичная бегунья даже не взглянула на стареющего чудака и невзрачную замухрышку в толстовке и с жирными волосами, добежала до своего дома в стиле модерн и поднялась на крыльцо, перебирая плейлист на плеере.

Убедившись, что никто на нас не смотрит, я перевела взгляд на своего нового знакомого, но его уже и след простыл.

– Эй! – Позвала я шёпотом, испугавшись, что он уже успел скрыться с радаров, и плакала моя камера.

Но тут его коричневый твидовый пиджак мелькнул где-то за туями. Он перебрался через ограду! Да, это не непре-

ступная Китайская стена, но и он не добрый молодец, чтобы скакать через ограждения. Как он это сделал? Всего за долю секунды, пока я зевала по сторонам?

– Эй! Куда вы?

Недовольное лицо выглянуло из-за мохнатой хвойной ветки. Он уже явно был не в восторге, что пришлось прибегнуть к моей помощи. Своими шиканьями я срывала ему операцию, какую бы цель она не преследовала.

– Зачем вы туда полезли?! Нас арестуют!

– Не арестуют, если вы не будете орать!

– Орать? – Возмутилась я орущим шипением. Ну, точно две змеи перебрасывались словами и ядом заодно. – Какого чёрта вы делаете?! Вы не можете вторгаться на чужую территорию!

Он тяжело выдохнул и картинно закатил глаза.

– Угроздило же меня. – Пробормотал он. – Я скоро вернусь.

– Стойте! Вы не...

Но кто я такая, чтобы меня слушать? Мой спутник уже исчез за кустистыми ветвями туй, и мне не оставалось ничего, как нервно стоять у ограды и ждать в надежде, что он вернётся и отдаст фотоаппарат. Или что нас не повяжут полицейские за нарушение личных границ. Погляжу я, что этот парень вообще не в курсе, что это за границы такие.

Прошло от силы минут пять, но мне показалось, что часа два. Всё это время я грызла ноготь большого пальца и следи-

ла за улицей. Угроздило же меня стать подельницей в этой афере. Хотела ведь просто взглянуть на жену Гранта, а вот уже стою на стрёме и помогаю незнакомцу, у которого явно проблемы с головой и заодно с законом.

– Всё чисто? – Зашептали кусты, и я подскочила.

– Да. Выбирайтесь оттуда поскорее, пока нас не увидели!

К моему искреннему восхищению, этот не самый атлетичный и далеко не самый молодой мужчинка вскарабкался по решётке ограждения и прыгнул на землю, как прыгун с шестом. Два движения – и он снова стоит передо мной, будто ничего и не было.

– Что всё это значит?! – Гневно спросила я, отбирая камеру. На сей раз он не противился.

– Дьявол! – Только выругался он, хлопнув ладонями по решётке. – Ничего не вышло! Все двери и окна на первом этаже заперты.

– Только не говорите мне, что хотели залезть в дом.

– Именно это я и хотел сделать.

Из меня стали вырываться сбивчивые, нервные смешки. Ну вот. Я связалась с настоящим преступником.

– Во что вы меня втянули? – С испугом спросила я, проверяя, в порядке ли фотоаппарат. – Вы вор?

– Вор? – Искренне опешил мужчина. – Я что, похож на вора?

– Вы только что побывали на частной территории и собирались проникнуть в дом. – Мой «Кэнон» был в полном по-

рядке, в отличие от моей психики. – Как ещё, по-вашему, это назвать?

– Слежкой.

– Чего? Вы полицейский?

– Частный детектив.

На всякий случай я ещё раз оглядела собеседника с верху донизу, будто могла найти бирку или бейдж с надписью «частный детектив», чтобы поверить его словам.

– Вы шутите, да?

– Сейчас мне не до шуток. Если я не добуду улики, то потеряю семьсот баксов.

Я бросила взгляд на кирпичный дом, пытаясь переварить услышанное и придумать, за кем охотится этот человек.

– Улики? Для этого вам нужен был мой фотоаппарат?

– Верно. Только ничего не вышло. В дом мне не попасть, а ещё я заметил две камеры у входа. Пришлось уйти, чтобы не попасться.

– И за кем вы наблюдаете?

Внезапно я забыла про риск быть схваченной, про шанс угодить в холодную тюремную камеру и схлопотать обвинение в подельничестве взлому. Мне стало до жути любопытно, что здесь происходит, но внезапно голова закружилась, отчего я пошатнулась и ухватилась за пиджак детектива.

– Что с вами? Вы в порядке?

– Просто неважно чувствую себя. Уже второй день лихорадит.

– Тогда вам нужно домой.

– Пожалуй, пора бы. – Но я не могла так просто уехать, не разгадав этой загадки. – Так за кем вы следите?

– Вы очень любопытны.

– Сказал человек, который хотел залезть в чей-то дом. – Парировала я, отдышалась и почувствовала себя чуточку лучше. – Вы втянули меня в это, так хотя бы объясните всё толком.

Он несколько мгновений разглядывал моё лицо, ища доказательства того, что мне можно доверять. Прямо как я недавно искала в нём доказательства, что он детектив.

– Прямо сейчас в этом доме супруга моего клиента.

Я молча жду продолжения.

– И она не одна.

Ну и?

– С любовником.

– А-а-а! – Протягиваю я. Мне становится и радостно и смешно одновременно. Я уж представила, что там обитает убийца или насильник, а там всего лишь неверная жена. – Так вы ищите доказательства супружеской измены? Я думала, частные детективы разыскивают людей, помогают полиции найти особо опасных преступников или что-то в этом роде.

Мужчина хмыкнул.

– Между прочим, девяносто процентов работы частного детектива – это разоблачение измен. Так что не всё так ро-

мантично, как вы полагали, да? Но это мой хлеб. И сейчас я его теряю, потому что эти двое умеют замечать следы. Они встречаются раз в две недели и только здесь. — Он кивнул в сторону кирпичного дома. — Я проследил за ними, но клиенту мало просто знать, что его жена бывает здесь. Она уже придумала отговорку, мол, этот парень — её личный психотерапевт, который принимает на дому.

— А этот парень — психотерапевт?

— Один из лучших, судя по тому, в каких хоромах живёт. Клиенту нужны наглядные улики, которые можно представить в суде. Иначе при разводе всё имущество придётся делить пополам, а с этими фотографиями...

— Он получит всё.

— Вы живо схватываете.

Всё это было мне не по вкусу. Измены, разводы, делёжка имущества. Моя тётя однажды пережила предательство мужа, а я ещё не оправилась от предательства Гранта, так что рана была слишком свежа. Я уже ненавидела эту женщину, что так просто забывала мужа в объятьях другого. Каким бы не был её супруг, любой человек заслуживает правды и справедливости. Почему бы сначала не развестись и потом уже прыгать в чужие койки? Но чаще всего всё упирается в деньги. Наверняка, этот клиент, о котором говорит мой знакомый, богат, а она только и делает, что тратит его сбережения. И если она подаст на развод, то останется у разбитого корыта. А так, и сумочки от «Луи Виттон», и прогулки на

яхтах по заливу Дорчестер, и тайский массажаист дважды в неделю.

Ничего не могу с собой поделатъ – злость на эту женщину берёт надо мной верх. Я вглядываюсь в окна сначала первого этажа, затем перескакиваю на второй и вся так и загораюсь яростью.

Настраиваю «Кэнон». Выставляю нужный баланс белого, повышаю показатели диафрагмы, достаю из кармана поляризатор и присобачиваю к объективу. Приближаю кадр и делаю несколько быстрых снимков.

– Что вы делаете? – Теперь очередь детектива задавать мне вопросы, но я слишком сосредоточена на съёмке и на своей злости, чтобы отвечать.

Через тридцать секунд я заканчиваю свою тайную фотосессию и пролистываю кадры один за одним на экране. На каждом отчётливо видно, как женщина в одном лифчике упирается ладонями в стекло и от наслаждения закрывает глаза. Сзади, прижимаясь к ней каждым клочком мускулистого тела, которое принадлежит скорее атлету, чем психотерапевту, виднеется мужчина лет сорока. Они и не смотрят в нашу сторону, не думают, что кто-то может за ними наблюдать. Они полностью во власти момента, как и я. Как удачно, что они решили пообжиматься прямо у окна! Какое же удовлетворение от того, что я помогу вывести эту изменницу на чистую воду.

– Смотрите. Вашему клиенту точно понравится.

С опаской мужчина перенимает фотоаппарат из моих рук и повторяет ритуал, а я наблюдаю за тем, как его глаза расширяются в радостном предвкушении победы и своих законных долларов.

– Вы выручили меня. С этими фотографиями клиент будет мне ноги целовать.

Довольно странно быть вообще втянутой во всю эту нелепую историю, но, по правде сказать, я счастлива, что хотя бы один неверный человек в этом мире получит своё. Вернее, ничего не получит при разводе.

– У вас есть электронная почта? Я перешлю вам снимки. – Говорю я, чувствуя, что голову начинает вертеть как в торнадо.

– Я очень вам благодарен...

– Зои. – Представляюсь я.

– Что ж, а я Тони Скайлер. – Он протягивает руку, но когда я тянусь пожать её, всё кругом белеет. Становится похожим на сахарную вату или зефир. – Осторожно. – Мистер Скайлер подхватывает меня под руки. – Вам нужно бы показаться к врачу. Давайте я подброшу вас в больницу.

– Не стоит. Всего-то нужно отлежаться.

– Как скажете. Тогда я подброшу вас домой.

– Я могу вызвать такси.

– Бросьте. Это меньшее, что я могу сделать в отплату за вашу помощь. Повезло же мне, что именно вы сидели в засаде всего в десяти метрах от меня.

То ли от выхлопа адреналина, то ли от торчания на солнце уже третий час, но меня резко подкосило. Виски налило свинцом, в затылке прорезали загогулины острые боли. В глазах двоилось, словно я только что провела бурную ночь в круглосуточном баре. Словом, когда Тони Скайлер, поддерживая меня за плечи, тащил к своей машине, припаркованной через улицу, всё выглядело именно так. Словно мы два старых приятеля-заблюдки, которым не стоит садиться за руль.

– Спасибо. – Пробормотала я, когда новый «приятель» услужливо запихал меня на пассажирское сидение и поспешил занять своё.

Я назвала адрес, и Тони Скайлер покатиł себе по улицам Бостона. Я всё ещё рисковала, продолжая общаться с этим незнакомцем, а теперь он и вовсе везёт меня домой! Но по какой-то фантастической причине я ему верила. Знала бы я его несколько месяцев назад, то давно бы уже раскусила Гранта и послала его на все четыре стороны.

– Вам лучше? – Спросил Скайлер, открывая форточку.

В лицо бил тепловатый июньский ветер, а тело расслаблялось на потёртых чехлах старенького «бьюика». Машина прямо под стать частному детективу, тем более такому, как Тони Скайлер.

– Не особенно.

– Точно не хотите в больницу? Там вам помогут.

Как сказать ему, что ещё не придумали лекарства от раз-

битого сердца? Моё молчание Скайлер принял за ответ и не стал больше спрашивать о врачах. Вместо этого он осторожно входил в повороты, чтобы меня не сильно трясло, и бережно выжимал педали газа и тормоза, чтобы не баламутить мой и без того взбаламученный разум.

– Могу я спросить, что вы делали на Шервуд-стрит? Вы ведь тоже за кем-то следили, я прав?

Я промычала что-то нечленораздельное в ответ. Можно ли открыться Тони Скайлеру? Я знала его двадцать минут. Ну и что, что на деле он оказался никаким не взломщиком и даже не грубияном, как показалось вначале. И что, что он поддерживал меня, чтобы я не шлёпнулась прямо на асфальт перед домом любовника и его жены, а теперь тратит своё время, бензин и терпение, везя домой в другой конец города.

– Хотела посмотреть на жену мужчины, с которым встречалась.

– Оу. – Только и выдал в ответ мой извозчик. – Так вы...

Он не договорил, но наверняка хотел обозвать меня не самыми лестными словами. Для него я была вроде той женщины, чьи снимки в стиле ню хранились в памяти моего фотоаппарата. Может, я такой и была. Незнание не избавляет от ответственности, правильно?

– Он обманывал меня целый год. – Зачем-то сказала я. Мне захотелось оправдаться перед этим малознакомым человеком. Обелить своё доброе имя, потому что оно почернело в болоте измен, которых было предостаточно за эти две-

надцать месяцев. — Я не знала, что он женат. Вот и хотела... не знаю, увидеть, какая она. А ещё, наверное, предупредить, что её муж — полный мудака.

Я уж решила, что Тони Скайлер, борец за честные браки, начнёт осуждать меня или чего доброго остановит «бьюик» и выбросит меня прямо на Норфолк-авеню, по которому мы держали маршрут. Но он лишь улыбнулся.

— Значит, я помешал вам вершить справедливость?

— Скорее, уберегли от ошибки. Даже хорошо, что я ничего ей не сказала.

— Почему вы так думаете?

— Это бы разрушило их жизни. Её и двоих их сыновей. Хватит уже и того, что он разрушил мою.

Несколько светофоров мы проехали в молчании, пока Тони Скайлер не заговорил снова.

— А вы бы что предпочли? Жить в счастливом неведении или знать правду? По мне, правда всегда лучше. Какой бы ужасной она ни была.

Что-то послышалось в его голосе такое, что заставило меня взглянуть в его лицо. В три параллельные полосочки морщин в уголках глаза. В еле заметный шрам над бровью. В жёсткую щетину, говорящую, что ему просто не для кого бриться. В совсем немодный пиджак и такие же брюки, которые он наверняка покупал лет пять или даже больше назад. Только сейчас я заметила лысую тропинку, начинающуюся у виска и пробирающуюся под фетровую шляпу, одну из

тех, которые уже никто не носил. И в этот момент я почувствовала странное родство с этим человеком, словно мы не договаривали об одних и тех же вещах.

– Вот мой дом. – Тыкнула я в трёхэтажное строение, полную противоположность тем хоромам, что мы наблюдали на Шервуд-стрит. – Спасибо, что не бросили меня на произвол судьбы.

– А вам спасибо, что сделали те снимки. Я заплачу за них...

– Не стоит. – Отмахнулась я. – Я сделала это не из-за денег. Правда ведь всегда лучше, так?

Тони Скайлер улыбнулся мне как-то по-отечески и запустил руку в карман пиджака. Я уж думала, он снова достанет бумажник и станет совать мне двадцатку, но вместо этого он что-то накарябал ручкой, которая то же завалялась в его пиджаке, и протянул мне прямоугольную картонку со своим именем, адресом конторы и телефоном. Снизу от руки был приписан адрес электронной почты.

– Моя визитка.

Я кивнула и стала вываливаться из машины, уже предвкушая, как растянусь на любимом диване, подушки которого успели остыть во время моей отлучки. Укутаюсь в плед и снова придамся жалости к себе под какой-нибудь идиотский сериал и пачку недоеденных чипсов. Но Тони Скайлер развеял мои мечты.

– Зои! – Окликнул он меня. – Вам, случайно, не нужна

работа?

– Работа? – Удивилась я. С этим треском в голове я вообще ничего не соображала и не была уверена, правильно ли я расслышала.

– Да. Ваши снимки... Вы знаете, что делаете. С такого расстояния и при таком ярком солнце у вас вышли отличные кадры. Вы могли бы работать на меня.

– Что? – Я рассмеялась, отчего виски пронзило кинжалом, так что я тут же заткнулась. – Работать на вас? – И надо же мне повторять за ним всё, как попугай. – Типа, помощником частного детектива?

– Называйте как хотите. Но я мог бы отдавать вам часть заказов. Уверен, вам не составит труда сделать пару-тройку удачных снимков. Прибыль будем делить пополам.

– То есть, по вашим расчётам, за вот эти несколько нажатий на кнопку, я заработала триста пятьдесят долларов?

Тони Скайлер улыбнулся, а я мысленно подбила смету, что мне нужно сделать, чтобы заработать столько же. Уж точно не пять минут лишнего времени. У фотографа-фрилансера полно своих плюсов, но стабильный заработок среди них не числится. В летние месяцы жаловаться не на что – свадебный сезон в самом разгаре, и сколько бы конкурентов не дышало мне в спину, всегда найдётся работёнка. Заказы сыплются почти с неба, лишь бы успевать их исполнять. Но на одних свадьбах, одиночных фотосессиях или корпоративных мероприятиях далеко не уедешь. Ещё есть концерты и

выступления звёзд средней величины и подачи от Даффи из гламурного мира. Куча всего, но никаких обещаний.

Но ведь и Тони Скайлер ничего мне не обещал. Только шанс побороться за справедливость для тех немногих мужей или жён, кто хочет знать правду, изменяют им или нет. В связи с последними событиями, вполне неплохая мотивация принять предложение, но я поджала губы и сказала:

– Спасибо, у меня есть работа.

– Что ж, если передумаете, – он кивнул на визитку. – У вас есть мой номер. Вам точно не нужна помощь?

– До квартиры как-нибудь доковыляю, спасибо.

– Тогда до свидания. И не забудьте про снимки.

Глава 3

Про них я бы точно не забыла. В моём фотоаппарате наглядное пособие, как не нужно делать в браке. И как только оно попадёт в руки к частному детективу Тони Скайлеру, в нём появится ещё одна глава о том, какие это повлечёт последствия.

Мне было ни капли не жаль ту красотку, чьё лицо приплюснуло к стеклу на втором этаже кирпичного дома. Хотелось бы мне взглянуть на неё, когда муж прижмёт её к стенке с коллекцией эффектных фотографий, где она запечатлена определённо с рабочей стороны. Для некоторых людей клятвы верности ничего не значат. И даже страшно от того, сколько таких людей ходят по улицам, вступают в отношениях и крадут бесценные годы и частички сердца у тех, кому клянутся в вечной любви.

Нельзя петь дифирамбы, кричать о любви до гроба и при этом заглядываться налево. Неужели честных мужчин и верных женщин не осталось? Неужели настоящей любви вообще не существует и любой готов пойти на измену?

Романтик внутри меня отказался верить в это, даже когда я подключила камеру к ноутбуку и скинула файлы на рабочий стол, попутно просмотрев каждый и оценив качество съёмки. Эта женщина и не посмеет соврать, что на снимках не она. Идеальный ракурс, ни единого блика, бесподобная

чёткость.

Едва я успела переслать обещанные улики на почтовый ящик нового знакомого, в дверь отчаянно постучали. Надеюсь, ошиблись адресом, потому что я уже два часа как мечтаю снова оказаться на диване и забыть о существовании мира. Преисполниться жалости к себе и ненависти к Гранту Беккету.

Застонав от безнадёжности, я поплелась к двери и посетовала, что хозяин не позаботился о том, чтобы выбрать модель с глазком. Я бы хотя бы знала, чего ждать. Вернее, кого. Вряд ли вор или маньяк станет стучать, но всё же...

– Какого чёрта ты не отвечаешь на звонки?! – Голос Даффи заявился в квартиру даже раньше, чем она сама. Прорывил мне перепонки, замолотил по и без того больной черепушке и эхом отлетел от стен. – Рене названивает тебе целый день! Ты хочешь упустить выгодный заказ?

– И тебе привет.

Я бы пригласила подругу войти, но она не из тех, кому нужны приглашения. Дверь ещё до конца не отворилась, как она уже вышагивает в своих каблуках по моему ламинату и топчется по ворсистому ковру, на который я не смею заходить ни в чём, кроме носков и домашних тапочек. Но это ведь Даффи. Она могла бы пройтись в обуви даже по папской сутане и ей бы слова не сказали.

– Mamочки, что здесь произошло? – Она с ужасом оглядела гостиную, словно минуту назад здесь разорвалась бомба.

В принципе, так почти и было, только бомба угодила прямиком в продуктовый, потому что весь диван и журнальный столик были завалены пустыми пачками из-под вредностей, которыми я забивала живот, чтобы не забивать голову Грантом Беккетом. Как назло, носок туфли Даффи задел валяющуюся под столиком бутылку шардоне.

Даффи стояла с раскинутыми в разные стороны руками и немым вопросом на лице. Неподражаемая, как всегда. В юбке-миди и блузке пудрового оттенка, с идеальной волной уложенных волос, что спускались по спине до самых лопаток, в туфлях от какого-нибудь солидного дизайнера, имени которого я даже не слышала. Она была почти совершенна, если бы не маска отвращения при виде крошек от чипсов на подушках дивана и подтаявшего пятна мороженого прямо на странице «Бостон Глоуб», на которую я подписана.

Во всём этом антураже хаоса и человеческих пороков, Даффи смотрелась ярким бантом на классическом чёрном платье от «Шанель». Не к месту.

Но увидев меня, вернее то, во что я превратилась всего за два дня, что мы не виделись, она поняла, что произошло и правда что-то ужасное. В любой другой день, если бы я попалась ей на глаза в чумазой толстовке, домашних трениках и с коконом грязных волос на макушке, с сальным блеском на щеках и без грамма туши на ресницах, Даффи наверняка упала бы в обморок. А когда пришла в себя, отчитала бы меня, как мама ребёнка, свалившегося в бассейн. Но к моему

жалкому виду любовной мученицы прибавлялась ещё болезненная бледность, так что Даффи всерьёз заволновалась.

– Ты в порядке? Нормально себя чувствуешь?

– Не совсем.

И через пять минут я уже рыдала на её плече в самом эпицентре этого беспорядка. Буквально упала на заваленный одеялами и крошками диван в объятия подруги. Надо отдать Даффи должное. Она могла сколько угодно строить из себя деловую леди, что воротит свой точёный носик от чипсов, дешёвого вина и треников, но в нужный момент она забывала о своих принцессочных закидонах и становилась моей опорой.

Её округлая попка, что так аппетитно покачивалась под тканью юбки, уселась прямо в винную лужицу на подушках, которая уже успела подсохнуть, но всё же угрожала остаться пятном на её дизайнерской юбке. Но Даффи было наплевать. Она заключила меня в уютные, тёплые объятия и поглаживала по голове, совсем как заботливая мама, пока я выговаривалась обо всех своих бедах.

Услышав, что я чуть не призналась Гранту в любви, она ахнула. Узнав, что он ответил мне совсем не взаимностью, а откровением, что женат, покраснела от злости и сказала пару ласковых, от которых уши её знакомых из бомонда скрутились бы в трубочку. А после рассказа о том, как я поехала напрямик к его дому, как столкнуться с миссис Грант, вывала её протяжный вздох.

Я-то думала, Даффи заведёт многим знакомую шарманку, мол, я же тебе говорила. Она и правда говорила, предупреждала в самом начале, что Грант Беккет – не тот мужчина, с кем стоит связываться. И дело было не только в разнице в возрасте, статусе и финансовом положении.

– Он из тех мужчин, на кого не стоит полагаться. – Как сейчас, помню её слова, едва Грант проводил меня домой после чашки кофе рядом с фотостудией, где мы познакомились. – Вот увидишь, рано или поздно, он обидит тебя, Зои.

Но разве кто-то обращает внимание на такие предостережения? Вот и я не придавала словам подруги значения, хотя в вопросах любовных романов она поднаторела явно лучше меня. Однако Даффи даже не повела своей идеально выкрашенной бровью, не скривила свой изящный тоненький носик, не поджала свои пухлые, цвета черешни губы. Она была настоящей подругой, с которой мы знакомы лет двенадцать, не меньше, и не собиралась тыкать меня лицом в мои же лужи, как невоспитанного котёнка. Всю вину за случившееся она сбросила на Гранта.

– Поверить не могу, что он так поступил... – Причитала она, пока я качалась, как неваляшка, из стороны в сторону и подвывала. – Вернее, я предполагала, что он ещё тот подлец, но обманывать жену и двоих детей. Ну, ничего, ничего.

Когда Даффи закончила выдумывать гневные метафоры в адрес моего обидчика, она утёрла слёзы на моих щеках и улыбнулась.

– Ты ни в чём не виновата, слышишь? – С нажимом сказала она. – Ты не знала о его семье и не должна взваливать на себя вину за это. Ты не любовница, Зои, ты его жертва. Как и эта миссис Беккет, и его сыновья.

– Но чувствую я себя паршиво...

– Это нормально, потому что ты хороший человек.

– Мне так не кажется. Только представь... Целый год я спала с женатым мужчиной. Крала вечера и выходные у его сыновей. Он тратил на меня семейные деньги.

Даффи промолчала, потому что по её мнению, за весь этот год не так уж он и потратился на меня. Когда заводят любовниц, на них раскошеливаются куда как охотнее. Ювелирные украшения, брендовые вещи, поездки на курорты и походы в роскошные рестораны. Я же оказалась недостойна ничего из вышеперечисленного. Над списком подарков Гранта Беккета посмеялась бы любая любовница или содержанка, хотя в его карманах водились огромные деньги.

И за целый год ожидания его визитов дважды в неделю, верности и любви, я получила лишь мимолётные встречи, которые мы проводили в постели. Никаких ресторанов или выходов в свет. Я покупалась на его отговорки, что он слишком устал от людей и не хочет делить меня с другими. На самом же деле, он просто боялся засветиться с молоденькой девушкой, посеять ненужные слухи о своей важной персоне. Ужины в моей квартире, быстрый, хоть и божественный секс, и всё. Туфли от «Валентино» на четырнадцатое фев-

раля. Серебряный кулон с топазом на день рождения. Букет роз раз в месяц. Поездка на остров Нантакет. Вот всё, что я заслужила.

Помацав мой лоб со всех боков и поставив мне диагноз – простуда, Даффи сбегала в аптеку через дорогу за таблетками от головы и жаропонижающими, после чего успела заскочить в «Рей Дей Полло» за целой канистрой горячего супа.

– На, ешь. Чтобы завтра была на ногах, ты нужна Рене.

Раз я нужна Рене, значит, лучше бы мне и правда поправиться, иначе моё имя попадёт во все чёрные списки. После того, как я прилежно слопала миску супа и заела наваристый бульон таблетками, Даффи была готова снова обсудить мою покосевшую жизнь.

– Ты обожглась, милая. – Заговорила Даффи, когда по щеке снова скатилась слезинка. – Кто из нас не обжигался?

– Ты. – Слезливо промычала я. – У вас с Тайлером такая любовь, о которой все мечтают.

– И у нас бывают проблемы, Зои.

– Но он ведь не скрывает от тебя жену.

– Господи, надеюсь, что нет, иначе ему не поздоровится.

Мы позволили себе немного посмеяться, и на душе сразу стало чуточку легче. Пока Даффи не задала вопрос, на который я не знала ответа.

– Так ты расскажешь ей? Жене Гранта?

– Пока не знаю. Я так и не решила.

– Ну и угораздило же тебя поплестись к ним домой. Не

верю, что это ты.

– Погоди, ты ещё всего не знаешь.

И следующий мой рассказ в красках описал, как я сидела в засаде под толстым деревом, как мой фотоаппарат чуть не похитил неизвестный мужчинка в шляпе, и как я помогла разоблачить изменницу. Даффи хлопала длинными ресницами не в силах поверить, что со мной и правда произошло что-то настолько необычное. Как правило, моя жизнь вполне себе банальна, но эти два дня вылились в приключение, которое я бы хотела забыть. Как и Гранта Беккета.

– А этот Тони Скайлер любопытный персонаж. – Заметила подруга, когда я поведала, как сердечно он подкинул меня до дома. – Никогда не встречала частных детективов.

– Я тоже.

– Думаешь поработать с ним?

– Я? Поиграть в сыщика под прикрытием? – Эта мысль окончательно подняла мне настроение. – Ты шутишь, Дафф? Да меня раскусят на первой же тайной операции.

– Сегодня же не раскусили.

– Эти двое просто были слишком заняты вещами поинтереснее. Если бы они открыли глаза во время того, как жались у стекла, то нас со Скайлером давно бы упекли за решётку за проникновение на частную территорию.

– Но это ведь так интересно! – Восхищённо почти пропела подруга.

– Я думала, тебе нравится твоя работа.

– Нравится, конечно. Я ведь со студенческой скамьи мечтала стать журналистом, вести свою колонку в газете или освещать модный отдел.

И Даффи добила своего. Попала на стажировку в «Санди», самый популярный гляцевый журнал Бостона. Почти «Вог» для Нью-Йорка. Она угодила в подчинение к редактору разделов о моде и развлечениях Рексу Харперу и отлично показала себя, так что по окончании стажировки тот предложил ей постоянное место. И вот тогда-то Эстер Макдаффи, более известная для друзей, как просто Даффи, превратилась из и так совсем не гадкого утёнка в шикарного лебедя.

Сменила штампованные джинсы из «Мэйсис» на оригинальные брючки от «Гэп». Забросила кеды на дальнюю полку и переобулась в шпильки, сразу же поймав волну походки от бедра. По долгу службы стала появляться на модных показах, стильных тусовках и вычурных выставках, куда всё время пыталась затащить и меня. Будучи главным свидетелем такого резкого и глубокого перевоплощения, я опасалась, что скоро стану не нужна Даффи. Ведь я осталась всё той же простой девчонкой, с которой она познакомилась ещё в школе.

Но, возвращаясь из издательства или с очередного крутого арт-мероприятия, Даффи сбрасывала с себя весь пафос вместе с платьем и становилась моей старой доброй Эстер Макдаффи. Которая любила трубочки с кремом, музыку диско и чёрно-белые сентиментальные кино.

– Но всё это не так круто, как сидеть в засаде, искать улики и раскрывать преступления. Вот это работа! – Протянула Даффи, наверняка, пытаясь увести мои мысли в другую сторону.

– Не мечтай, Дафф. Оказывается, большая часть работы сыщиком – это подглядывание за любовниками, вроде того, что я наблюдала сегодня.

– Это тебе твой друг-детектив сказал?

– Да. Этим он и оплачивает счета. Чужими несчастьями.

– Звучит как-то грустно.

– Измена – вообще штука невесёлая.

– Скорее, страшная.

– Ну, – пожала плечами я, вспоминая её парня, с которым они уже полтора года вместе. – С Тайлером тебе нечего бояться. Он хороший и никогда не станет тебя обманывать.

Подкрашенные нюдовыми тенями и тушью глазки Даффи как-то странно приклеились к полу, словно она не хотела глядеть на меня. Что может быть такого интересного на ковре, что может потягаться с лучшей подругой? Она что-то мне не договаривала.

– Да-а-афф. – Позвала я. – Ты что-то хочешь мне сказать?

– Хотела... но...

– Так говори!

– Не могу, прости.

– Я ничего не понимаю. – В подтверждение я тряхнула головой, прогоняя оттуда всё ненужное. – Почему не можешь?

Я ведь твоя подруга. Ты можешь рассказать мне всё.

– Знаю, просто...

– Чёрт, Даффи! Я тебя сейчас чем-нибудь тресну!

– Ладно. Я искала тебя не только из-за Рене. В общем, вот.

Перед моими глазами возникла вытянутая рука ладошкой вниз. Что она мне показывает? Хвастается новым маникюром? Рекламирует новый крем для бархатной кожи? Я бы гадала и гадала, если бы на безымянном пальце не блеснуло что-то квадратное.

– Не может быть! – Заголосила я, заметив помолвочное кольцо с камнем в форме квадрата. – Тайлер сделал тебе предложение?

– Да. – Даффи чуть не задохнулась от чувств. Так выглядит счастливая девушка. Будущая невеста, а вскоре и жена. – Представляешь?! Вчера вечером опустился на колени, и я сказала «да».

Мы принялись обниматься и щебетать, как две птички на ветке. Превратились в клубок эмоций и раздражающих звуков. Плакали и смеялись сквозь слёзы.

– Я так рада за вас. – В моей искренности она могла не сомневаться. – Давно пора, вы ведь идеальная пара.

– Ты как? Всё это для тебя не слишком? В то время, как вы с Грантом...

– Шутишь? Да я на седьмом небе! Ты снова зажгла во мне хоть что-то светлое, Дафф.

И Грант Беккет потонул в бескрайнем океане девчачьих

разговоров о трёхъярусных тортах, пышных платьях цвета шампань и списков гостей. Моя лучшая подруга выходит замуж. Поверить не могу. Хотя, с чего бы это? Она красива, умна, с характером. Таких девушек расхватывают, как старую коллекцию «Тома Хильфигера» в сезон распродаж.

Они ещё даже не назначили дату свадьбы, а мы уже успели решить, какой силуэт будет у свадебной юбки, какого диджея заказать и в какой палитре украшать зал. Зная Даффи, она ещё тысячу раз всё переиначит, но сейчас нам было плевать, что там будет дальше. Она станет женой любимого мужчины.

– В эту субботу мы устраиваем вечеринку по случаю помолвки. – Провозгласила Даффи, уже собираясь уходить. Проболтали мы почти три часа и съели всю кастрюлю супа. – Ты обязана там быть. Познакомлю тебя с кем-нибудь из приятелей Тайлера.

– С такими же адвокатами? – Хохотнула я. – Нет уж, спасибо. Не хочу умереть раньше срока от скуки. Если я и буду там, то только ради тебя и твоей предстоящей свадьбы. На мужчин я накладываю табу.

Для пущего эффекта я замахала руками в воздухе и поцеловала подругу на прощание. После её ухода стало как-то тоскливо и одиноко, так что я включила телевизор для шума и создания иллюзии, что я не одна на всей планете, и стала разгребать завалы, которые учинила в гостиной за два дня «запоя». Пора возвращаться в строй. И первым делом перезвонить Рене.

Найдя визитку Тони Скайлера среди клочков бумаги и упаковок из-под еды, я хотела было тоже бросить её в мусорный пакет, но что-то помешало. Рука сама запихнула визитку в маленький кармашек кошелька.

Глава 4

Те пять звонков с неизвестного номера были от Рене. Великой и ужасной Рене Бернад. Обычно она звонит не больше двух раз – она вообще мало кому звонит и предпочитает общаться с простыми смертными через посредников в лице двух ассистенток, а иногда и первого попавшегося под горячую руку.

Меня не назовёшь выдающимся фотографом. Я просто делаю любимое дело, а, как правило, то, что любишь, получается лучше всего. Что-то Рене Бернад нашла во мне, что заставило её самостоятельно добыть мой номер, снять трубку и позвонить. И проделать это не два, а целых пять раз!

Когда я перезвонила анониму и услышала строгое «алло» в исполнении этой женщины, я чуть не бросила трубку, но вовремя опомнилась. Рене-то уже знала мой номер – было бы полным идиотизмом перезванивать и швыряться трубками. И вот, я жду, что на меня прольётся ливень негодования, меня пронзит молния гнева или, на худой конец, Рене решит больше не иметь со мной никаких дел, но она вполне уравновешенно и даже доброжелательно приглашает меня принять участие в съёмке июльского номера, что «Санди» готовит к печати.

Я не в форме, чтобы браться за работу. Лицезреть совершенных женщин в таких же совершенных нарядах, рядом

с которыми я похожа на невзрачный манекен. К тому же, модели такие капризные, а мне пока со своими бы капризами справиться. Но Рене Бернارد не отказывают. Только она вправе послать тебя на все четыре стороны, но если предлагает тебе что-то, то ты тут же соглашаешься.

В отличие от Даффи, которая поклонялась мисс Бернارد – она почти дошла до того, чтобы повесить комнату портретами начальницы – я боялась её, но лишние деньги не помешают. Пока камера в руках, я не думаю ни о чём другом. Лишь о щёлкании затвора и о том, каким выходит кадр. Мне нравится, когда из ничего получается нечто стоящее, эстетичное и грандиозное. А съёмки для журнала «Санди» не могли быть другими.

С Рене Бернارد, главным редактором «Санди», нас свела Даффи. Заполучив постоянную должность, она прослышала, что для статьи о весенней коллекции аксессуаров начинающего дизайнера Мелани Чонг, которая займёт сразу шесть полос, нужен фотограф. Минимум семь снимков должны были попасть в статью. Казалось бы, что стоит пощёлкать пару блестящих браслетов и хорошенькие личики моделей с увесистыми серьгами, но Рене Бернارد не знает, что такое «пощёлкать». Ей нужно просмотреть пятьсот отснятых кадров одной лишь вещицы, чтобы одобрить хотя бы один.

Штатный фотограф как раз попал в больницу с переломом, и Рене объявила внеурочный кастинг, о котором знали лишь избранные. И моя Даффи. Она и предложила мне по-

пробовать.

– Что ты теряешь? – Спросила она тогда. – Ты потрясающий фотограф! Представь, если мы будем вместе работать в журнале!

Я долго ломала комедию, пока не сдалась и не отнесла в офис «Санди» своё портфолио. Ничего особенного: романтические кадры со свадеб, семейных фотосессий и мероприятий, случайные фото прохожих, что я иногда тайно делаю в метро или в парках. Наверняка в тот день Рене подхватила горячку, потому что, пока я ничего не ожидая, спокойно выбирала себе хлопья на завтрак в «Хэлси Фуд» около дома, мне позвонила ассистентка мисс Бернард и просила завтра явиться на ковёр.

– Вашу кандидатуру одобрили для фотосъёмки Мелани Чонг. – Слишком уж высокомерно заявила девушка по телефону, словно сама восседала в жюри и вершила судьбы.

Помню, как сдержанно поблагодарила её за возможность, а как только скинула вызов, пустилась в пляс прямо посреди стеллажей с мюсли и шоколадными колечками, чем вызвала ужас на лице сухонькой старушки. Оказалось, что я очень хочу попасть в «Санди», хотя бы на временных началах. Рано или поздно любой фрилансер хочет добиться чего-то большего, начать какой-то стоящий проект, а не просто снимать свадьбы и дни рождения. И это был мой шанс, хоть я и знала, что в штат мне путь заказан. Это разовая акция, но зато в моём портфолио появятся снимки с пометкой редакции

«Санди».

Так всё и завертелось. В ту первую фотосессию Рене Бернارد коршуном летала вокруг, следя за каждым моим движением, прерывая съёмку, чтобы взглянуть на отснятый материал. Я буквально тряслась, пока она с важным видом листала фотографии, и тихо выдыхала, когда она одобрительно кивала и возвращала камеру.

На съёмку семи разных украшений ушло пять часов. Пять! Тогда я ещё не знала, что любой проект «Санди» требовал полной отдачи и изрядного количества свободного времени. Даффи утешала меня потом, что ей приходится по десять раз переписывать обычную статью о новом заведении в Савин Хилл или открывшейся галерее искусств в Уэст Бродвей. В тот день я завалилась домой с чувством полного опустошения и уже знала, что больше никаких моделей, бриллиантовых браслетов и никакой Рене Бернارد.

На следующий день со мной снова связалась её ассистентка – с тех пор их сменилось штук семь – и бодро сообщила: – Мисс Бернارد очень понравились ваши снимки. Она в полном восторге.

Я ещё подумала, что мне это снится, потому что Рене хоть и не делала замечаний во время съёмок, но выглядела совсем не так, как выглядит человек, пребывающий в восторге. Или она мастерски прячет любого рода эмоции под маской холодной сосульки, или ассистентка решила немного приукрасить правду, чтобы сделать мне приятно.

– Мисс Бернард хотела бы предложить вам должность внештатного фотографа. – Выпустила второй заряд ошеломления девушка. – К сожалению, в штате свободных вакансий нет, но мы будем рады, если вы иногда будете участвовать в фотосессиях, если они не смогут.

И так я стала работать на один из самых читаемых и продаваемых журналов в Бостоне, да и во всём Массачусетсе. Ну и пусть не официально, я ведь сама решила стать птичкой свободного полёта. Просто Рене Бернард позволяла иногда залетать в их воздушное пространство.

С тех пор прошло два года, и разовая акция растянулась на сотню съёмок. Раз в неделю мне обязательно звонили из офиса Рене Бернард, чтобы пригласить поучаствовать в создании нового выпуска. Мои фотографии украсили статью, освещающую юбилей Института Искусств, где, как на кофейной глади, собрались самые сливки. Я сидела на модных показах в Бэк Бэй Холле на местах с пометкой «ВИП», предназначенных специально для сотрудников «Санди». Своими глазами видела свежие модели коктейльных платьев от Ральфа Лорена, помпезные комбинезоны от Сони Рикель и еле прикрывающие особые места купальники от «Виктории Секрет». Снимала Амелию Гринберг, начинающую писательницу, чей дебютный роман выстрелил так громко, что стал бестселлером, пока она давала интервью одному из коллег Даффи. Да и вообще часто присутствовала на таких интервью со знаменитостями, которым посвящались

сразу несколько почётных разворотов в журнале.

Когда работа была сделана, я просила сфотографироваться с ними, как сумасшедшая фанатка, так что теперь в одном из фотоальбомов на полке в гостиной припрятана целая коллекция с автографами и кадрами, как меня приобнимает какая-нибудь звезда. Мэтт Найтбридж, виолончелист из бостонского оркестра. Джеральд Сайкс, защитник «Бостон Селтикс». Айрис Шекли, актриса из сериалов на «Нетфликс», которую удалось перехватить, пока она гостила у родителей в Бостоне. И целая толпа городских деятелей и видных личностей.

Включая Гранта Беккета.

В этот раз я понадобилась Рене для совершенно сумасшедшей фотосессии. Я еле сдержалась, чтобы не захохотать в трубку, – у этих гламурных изданий свои тараканы в голове. Вечно выдумывают что-то экстравагантное, из ряда вон. Хотя, надо отдать им должное, фантазия работает без выходных. Впрочем, как и они сами.

Моё сердце всё ещё болело после того, как его разбил Грант. Голова всё ещё раскалывалась от высокого давления, а глаза выкатывались из орбит. Но, как я уже говорила, Рене Бернارد не принимает отказов. Уважительная причина не явиться на работу – улечься в гроб с бархатной обивкой. Всё остальное не считается. Помню, как-то раз одна из моделей для съёмок слегла с пищевым отравлением. Так мисс Бернارد заставила свою помощницу поехать к ней домой, отпо-

ить таблетками и крепким чёрным чаем, после чего впахнуть в одежду и привести в студию. Искать новое лицо не было времени, зато хватало и времени, и совести вытащить больного человека из постели.

Так что семь утра, трещащие мозги и прохладный воздух залива Куинси – вот мой завтрак на сегодня. Пришлось продира́ть глаза, обливаться ледяной водой и выпить три чашки крепкой арабики, чтобы в шесть сесть на паром в Харбор Пойнт вместе с остальной командой «Санди» и прибыть к месту назначения.

Я ещё не бывала на этих отдалённых от суши землях Бостона. Остров Томпсон казался зелёным оазисом после бетонных высоток и каменных дорог города. Сплошь сосны и клёны, а тропинки заросли полынью. Я бы с радостью прогулялась по этим кустистым джунглям, но сцену боевых действий организовали на пляже. Длинный песочный кряж выходил на панораму Бостона и создавал убийственный вид для съёмок. Солнце как раз поднималось с «правильной» стороны и не засвечивало кадры, а укутывала пейзаж идеальным освещением.

Я чуть не споткнулась, когда увидела, кто будет участвовать в фотосессии. И я сейчас не о трёх моделях-красотках с ногами от ушей. Кажется, Крисси, Аманда и Габриэль. А об их партнёрах по съёмкам. Трёх бесподобных белоснежных лошадях, чьи ноги были ещё длиннее, а грива ещё блестящее, чем у девушек. Вчера по телефону я прослушала, что

за тематика статьи, поэтому сейчас пыталась выдумать, что такого можно освящать в глянцевого издания, что им непременно понадобился остров, лошади и утренний пляж.

Пока визажисты наносили последние мазки на и без того совершенные лица моделей, а береиторы обласкивали выжидающих скакунов, чтобы те не скучали в ожидании, я искала глазами Рене. Пляж потонул в суматохе и шуме плещущихся волн. Меня всё ещё кружило в центрифуге головной боли, иначе я бы насладились работой на открытом воздухе, тем более в таком прекрасном месте. Но это столпотворение слегка сбивало с умиротворяющего настроения, а Рене так нигде и не было видно.

– Лесли! – Подозвала я одну из ассистенток мисс Бернард. – Рене сегодня не будет?

Она выглядела слишком уставшей, хотя времени было всего начало восьмого утра. Последствия работы на саму Рене Бернард.

– О, Зои, привет. Нет, она полностью доверила съёмку тебе.

Судя по молоденькому и удивлённому личику Лесли, я поняла, что она в таком же шоке, как и я.

– Что это на неё нашло? – И добрый ли это знак?

– Не знаю, Зои. Но она вообще довольно странная в последнее время. Опаздывает на работу, задерживается на обеде, ведёт себя... – Лесли оглянулась вправо, затем влево, словно боялась произносить это вслух. – Слишком мило.

Вчера разрешила мне уйти пораньше, чтобы я отдохнула перед ранним подъёмом из-за этой фотосессии.

Ну, ничего себе! Это не та Рене Бернارد, которую знал белый свет. Ледяное сердце королевы растаяло? Или во вселенной произошёл какой-то сбой? Лесли ещё больше склонилась ко мне и даже приставила ладошку к губам, чтобы её слова не долетели вместе с ветром до остальных.

– Ходят слухи, что у неё кто-то появился.

– В смысле, мужчина? – Переспросила я с детской наивностью. Как будто Рене дала обет безбрачия и зареклась связываться с мужчинами до конца своих дней. Как я после обмана Гранта.

– Ну не домашнего питомца. – Пошутила девушка.

– Ты говоришь так, словно Рене Бернارد никогда не заводила романы с мужчинами.

– В том-то и дело, – разоткровенничалась она. – За десять месяцев, что я на неё работаю, а это, между прочим, почти рекорд, я ни разу не слышала, что она с кем-то встречается. Она персона публичная, но личную жизнь хранит под семью печатями.

– Может, это не так и плохо. Всем нам нужно порой побыть в тени.

– Прости, я побегу. Там у Крисси что-то с платьем.

Лесли закатила глаза и унеслась исполнять капризы моделей. Пока она заверяла ту самую Крисси, что розовое платье с силуэтом-русалкой её не полнит, что Габриэль с этим цве-

том губной помады не похожа на клоуна, а Аманде не нужно подкручивать волосы, у меня появилась лишняя минутка, чтобы проверить аппаратуру и даже прогуляться вдоль воды. Уйти бы подальше от всего этого гламура и затеряться на острове. Целый день бы слушала плеск волн и щебетание птиц, но мне предстоит несколько часов щёлканья и просьб повернуться так или этак, чтобы Рене Бернارد отобрала от силы три фотографии для журнала.

То, что сегодня её не было с нами на острове Томпсон, походило на чудо. Сдвиг земной коры. Солнечное затмение. Рене всегда дышала в спину, держала себя в привычных рамках холодной строгости и отчуждённости, никогда бы не проявила больше заботы к подопечным, чем они того заслуживали. Но, по словам Лесли, сейчас она переживает что-то вроде кризиса. Или пересмотрела своё поведение и смягчила удары? С чего такая перемена? Неужто, правда, из-за мужчины? Рене Бернارد не из тех женщин, что стелятся перед противоположным полом. Это за ней бегают, а не наоборот. Подозреваю, что мужчина для неё – не более, чем приятный способ скоротать свободный вечерок, которых у неё не так и много. В голове главного редактора «Санди» только работа.

О её личной жизни не знал никто. Как только я устроилась в журнал, пусть и на птичьих правах, мы с Даффи перемыли все косточки общей начальнице. Я знала много удивительных историй о Рене Бернارد, но не знала ни одного мужчину, с которым бы её связывали отношения. За все годы,

что она пребывает у руля редакции, ни новости, ни крошечной заметки, ни удачно словленного снимка не появлялись на страницах изданий. Если Рене и встречалась с кем-то, то он был сродни призраку – неуловимый фантом, о котором никто не знает.

Но, в любом случае, тайные уголки души Рене – не моё дело. У меня и со своей личной жизнью хватает проблем, чтобы сунуть нос ещё и в её.

– Мы готовы! – Помахала издали Лесли, и только теперь я заметила, как далеко ушла.

Нужно приехать на этот берег как-нибудь потом, одной или с Даффи, чтобы полюбоваться видами и слиться с тишиной своих мыслей. А пока, пора возвращаться к съёмочной группе, лошадям и трём высокомерным моделям, которым Лесли наконец-то вправила мозги.

Съёмка отняла рекордные полтора часа. Волшебство какое-то! А всё потому, что у Рене появились дела поважнее, чем контролировать каждую деталь процесса. Если всё дело в тайном любовнике, то я несказанно счастлива за них обоих.

– Ты уверена, что эти фотки понравятся Рене? – С опаской спросила я Лесли, когда мы просмотрели все кадры.

– Она оставила *меня* за главную. Эти фотки нравятся *мне*. Если её что-то не устроит, то пускай сама участвует в фотосессиях.

Вряд ли Лесли такая же храбрая один на один с начальницей. Но так даже лучше. Ответственность за удачные снимки

для журнала переместились на плечи Лесли, а я с чистой душой могу отправляться домой и продолжать лечение простуды и разбитого сердца сахаро- и градусосодержащими препаратами.

– Ищи свои снимки в воскресном выпуске. Два разворота и обложка. – Подмигнула Лесли. – Получилось очень эффектно.

Дом милый дом. Зайдя в подъезд, я заглянула в почтовый ящик и обнаружила там письмо. Хм, странно. Я не веду ни с кем переписок. Белый конверт с моим адресом, подписанный корявой рукой. Ах вот оно что. Имя Тони Скайлера в строке отправителя.

Я разорвала краешек конверта и достала из него белый листок с такими же еле понятными буквами и триста пятьдесят долларов.

Твоя половина. Я привык держать своё слово. Моё предложение всё ещё в силе, если вдруг надумаешь чуточку разбогатеть или восстановить справедливость. Спасибо за снимки.

Скайлер

Тони Скайлер и правда держит слово. Невзирая на то, что я отказалась от гонорара, он всё равно прислал мне половину того, что сдирает с клиентов за суровую правду. Интересно, как муж той вертихвостки в окне отреагировал на улики? Пришёл в ярость, смирился ещё на стадии подозрений, почувствовал облегчение? Ещё более интересно, как Тони Скайлер раздобыл мой адрес. Он не знал ни моей фамилии,

ни номера квартиры. Хотя чему я удивляюсь – он ведь частный детектив. Наверняка ему не впервой искать адреса.

Я почувствовала, как улыбка невольно расплывается по лицу. Такое необычное знакомство у нас получилось. И уже второй раз новый знакомый помогает мне забыть о Гранте и его жене.

– Зои Харт?

– Боже! – Подпрыгнула я от неожиданности. – Вы меня напугали!

За спиной неоткуда возник совсем молодой парень, года на три младше меня. Но вся его молодость спряталась за излишне строгим выражением лица и таким же строгим костюмом. Брюки и пиджак делали его ещё худощавее. Не самый лучший выбор, особенно, по соображениям практичности. На улице только обед, а уже жарит. Как бы он не спёкся во всей этой шерсти и деловитости.

– Извините. Так вы Зои Харт?

На гипсовом лице без единой поры – зависть всем девушкам, что каждое утро разукрашивают себя пудрой – не появилось ни дружелюбной улыбки, ни намёка на искреннее сожаление. Кто этот парень?

– Да, это я. А вы кто?

– Меня просили вам передать.

В моих руках появился второй конверт, побольше и из более дорогой бумаги. На обеих сторонах ни марки, ни обратного адреса. Только моё имя посередине. В отличие от ка-

ракуль Тони Скайлера, выведено красивыми, словно годами отточенными линиями. Я чуть не выронила конверт, узнав этот стиль.

– *Он* вас прислал? Но что внутри?

– Мне велено только доставить письмо по этому адресу и вручить Зои Харт лично в руки. – Парень указал на открытый почтовый ящик с цифрой «30» и добавил: – Увидел номер квартиры и предположил, что вы и есть мисс Харт. Всего хорошего.

Хотела я окликнуть его, всучить письмо и отправить обратно, откуда пришёл. Что бы ни ждало меня внутри, мне неинтересно. Так я себе говорила, но надпись «Зои» на конверте насмехалась надо мной и манила вскрыть его поскорей.

Зайдя в квартиру, я положила письмо от Гранта Беккета на журнальный столик и стала играть с ним в гляделки. Слишком много вопросов роилось в голове. Слишком много злости и обиды всё ещё тянули сердце к полу. К чёрту. Покончу со всем этим побыстрее.

Этот конверт был поувесистей, чем тот, что прислал Скайлер. В нём явно что-то потяжелее клочка бумаги и трёх купюр. Любовное послание на несколько страниц, оканчивающееся мольбами вернуться? О чём еще говорить в письме, как не о любви? Просто побоялся явиться на мой порог лично, чтобы я во второй раз не отправила его к чертям. На мгновение мне и правда захотелось, чтобы было так, но за-

тем я отругала себя и прогнала эти жалкие мысли.

Гранта Беккета не будет в моей жизни. Мужчина, что обманывал раз, обманет ещё ни единожды. К тому же, на счету Гранта можно засчитать сразу две огромные лжи, ведь он не был честен ни со мной, ни со своей женой.

Набрав побольше спасительного воздуха в лёгкие, прямо как перед заплывом на шестьсот метров, я вскрыла уже второй за день конверт.

Первым в мои руки упал лист с так же аккуратно выведенными, как и на конверте, словами. Они переплетались и составляли целую рукопись. Не помню, когда так сильно волновалась в последний раз.

Зои! Так больше не может продолжаться.

Я была права! Сейчас он напишет, что не может без меня жить. За эти два длинных дня понял, что тоже любит меня и хочет вернуть. Уйдёт от жены, забудет про сыновей, купит нам дом и увезёт меня с собой. Вот только я больше не представляла такое наше совместное будущее. Ни ценой его семьи, что наверняка любила и нуждалась в нём. На чужом несчастье счастья не построишь, ведь так? Я знала, каким будет мой ответ на эту мольбу, но стала читать дальше.

Я думал, мы взрослые люди и расстаться сможем по-взрослому, но я ошибался. Ты так просто не оставишь меня в покое.

Что?! От возмущения я чуть не опрокинула вазу с искусственными розами. Обида противным червячком прогрызла

дорогу прямо в сердце.

Я знаю, что ты была у моего дома. Тебя засняли камеры видеонаблюдения. Тебе крупно повезло, что жена ничего не узнала, иначе я бы сильно разозлился.

Ну, нифига себе. Звучит устрашающе. Почти угроза с обещанием отплатить по счетам. В конверте оказалась распечатанная фотография с той самой камеры, о которой говорил Грант. Она спряталась где-то под крышей гаража и давала отличный угол обзора на то самое дерево. А за ним – барабанная дробь – я собственной персоной. Притворяюсь сыщицей, хотя с моим-то видом больше похожа на сумасшедшую. Я-то по глупости думала, что останусь незамеченной. Чёртовы современные системы безопасности. Хорошо хоть Грант не платит охранникам, которые бы вышли и пинками вышвырнули меня с Шервуд-стрит. И что он не прознал о нашей секретной операции по проникновению на территорию соседнего дома за пикантными подробностями жизни его обитателей.

В конверте лежало что-то ещё, но я даже побоялась брать *это* в руки. Предпочла дочитать разоблачительное письмо. Пальцы сдавили бумагу, пока глаза вперились в чёрные чернила. Грант любил писать чёрной ручкой. Делал исключения только для важных документов. Я даже дарила ему дорожный серебристый «Паркер» в бархатном футляре, что обошёлся мне в половину месячных сбережений. Я дарила ему подарки, пока он кормил меня враньём.

Из-за того, что у нас было, я предлагаю тебе разойтись по-хорошему, без ссор и скандалов. Прошу тебя, Зои, оставь меня и мою семью в покое, иначе я забуду о своём снисхождении. Мне нужны гарантии того, что наш роман не всплывёт, поэтому надеюсь, этой суммы хватит. Если жена или кто-то другой узнает о нашей связи, тогда я найду способ тебе отплатить той же монетой. Не думай, что сможешь тягаться со мной. Несмотря ни на что, мне было хорошо с тобой, но всё хорошее когда-нибудь заканчивается. Забудь меня и прощай.

Грант.

Ещё на середине мои глаза утонули в слезах. Не от того, что это письмо стало жирной точкой в наших отношениях. А от того, с каким безразличием и даже злостью он пишет. Ненавистью пропитана каждая закорючка, словно не было того года, когда он притворялся моим единственным. Словно я была пустым местом, девочкой по вызову, противной букашкой на его идеальной жизни.

Соседи уже устали слышать нескончаемый плач из моей квартиры, но я зарыдала снова. Только-только глаза высохли от вчерашних слёз, как снова накатило. Как он мог?! Не только обманывать, но и угрожать. Это письмо – не просто просьба оставить его в покое, а предупреждение, прямое обещание стереть меня с лица земли, если хоть одна живая душа узнает о нас.

И Грант Беккет мог его исполнить. Он многое мог со сво-

ими деньгами и влиянием. Если я побегу в первую попавшуюся газету и расскажу о том, что он не такой белый и пушистый, каким все его считают, то сама окажусь в немилости у людей, а Грант сдует пылинки с дорогой рубашки и останется для всех примерным семьянином и успешным бизнесменом. Таких любят, таким всё прощают. А такие как я становятся отбросами общества, коварными разрушительницами браков, от которых лучше держаться подальше.

Двадцать минут и упаковка салфеток – вот, что успокоило меня. Только наплакавшись всласть, я вспомнила одну фразу из письма, на которую не обратила внимания. Которая стала невидимой во всей этой грубости зловещих угроз.

«Надеюсь, этой суммы хватит».

Это ещё что значит?

Я запустила руку в конверт в третий раз – он всё ещё не опустел, как моя душа. Там лежала ещё одна бумажка, гораздо меньше и воздушнее плотной бумаги с текстом и распечатанного снимка камеры видеонаблюдения.

Чек. Подписанный Грантом Беккетом. На десять тысяч долларов.

Моё молчание, как и моя любовь, стоили так мало.

Глава 5

– Ты шутишь?! Десять тысяч долларов?

Я позвонила Даффи, как только пришла в себя, вытерла слёзы, смыла сопли и отчистилась от горечи. Она всё ещё торчала в душном офисе, но выкроила минутку на меня, потому говорила шёпотом. Однако после новости о чеке с четырьмя нолями позволила себе вскрикнуть и нарушить спокойствие редакции.

– И что ты будешь с ними делать? С такими-то деньгами? – Даффи наверняка уже подсчитывала количество туфель, которые она могла бы прикупить на такую сумму, но меня не радовал ни один цент из этих десяти штук.

– Дафф, это не подарок на день рождения от щедрой бабули, – слегка раздражённо ответила я, покручивая чек в руках. Несерьёзность подруги могла как вылечить грусть, так и вывести из себя. – Это откуп от мужчины, которого я почти полюбила.

Как сильно тебя должны обидеть, чтобы ты перестал любить человека? Как глубоко в сердце должны вогнать нож и сколько раз повернуть? Грант пока что нанёс два удара – и даже не знаю, какой больнее. Знать, что тобой пользовались на протяжении целого года. Или трястись от страха, потому что тебе угрожали расправой. Не в буквальном смысле, но всё же.

– Ты должна взять эти деньги.

Другого совета от Даффи и ожидать не стоило.

– Не знаю, Дафф.

– Ты ведь не собираешься и дальше вмешиваться в их брак?

Я не смогла и рта раскрыть, потому что не хотела врать. Когда тебя поливают ложью так долго, ты по-другому начинаешь относиться к обманам. И уже сам ни за что не захочешь обманывать других.

– Зои. – Настойчиво прошептала подруга в динамик. – Ты ведь не пойдёшь к его жене и не расскажешь правду?

– А как бы ты поступила на моём месте?

– Милая, я бы обналичила чек, отпраздновала свободу и забыла этого мудака.

Ответ в духе Эстер Макдаффи. У неё всегда всё было слишком просто. Заваленный экзамен по математике – чёрт с ним, поехали есть мороженое в «Баскин Роббинс». Парень бросил прямо перед выпускным, оставив без пары – надевай самое сногшибательное платье и покажи ему, что он потерял. Вселенная то и дело даёт тебе пинка – посмейся вместе с ней. Я была не готова пока смеяться или бежать в банк за грязными деньгами, что я получу за то, что буду держать рот на замке. Словно плата за шантаж, которого не было.

– Может тебе ещё разок помелькать перед его камерами, глядишь, он пришлёт ещё пару чеков? – Попыталась пошутить Даффи, но тут же заныла. – Ну же, Зои, перестань быть

такой...

– Какой? Обиженной, скучной, глупой? Как ты не понимаешь? Впервые за двадцать семь лет я что-то почувствовала к мужчине, а оказалась его любовницей. Мне сложно смириться с этим и сложно быть такой весёлой, как ты.

– Прости, ты права.

На заднем плане я расслышала какой-то голос, вроде как окликающий подругу по имени.

– Одну минуту! Мне пора бежать, но ты пока не делай никаких глупостей с чеком.

– Каких таких глупостей?

– Ну не знаю, не рви его в порыве ярости, не опускай в шредер, не выкидывай случайно вместе с упаковкой из-под пиццы. Это ведь десять штук, Зои.

– Тебя послушать, так мне нужно заламинировать его или ещё лучше повесить на стенку в рамочке.

Даффи издала непонятные звуки вроде кривляний, а потом послышался хлопок, будто она врезала себе ладошкой по лбу.

– Чуть не забыла. – И тут же заорала в сторону. – Сейчас буду! У меня важный разговор! – А потом снова мне. – Прости, Рекс беснуется, что статья не готова, а нам пускать выпуск в печать уже завтра.

Я сильно сомневалась, что Рекс Харпер сможет отчитать Даффи, сказать ей что-то грубое или обидное. Мало того, что он был человек с добрым сердцем, пусть немного и нерв-

ный, но мне всегда казалось, что он неравнодушен к моей подруге. Это было видно во взгляде, когда они находились в одном помещении. Как-то раз я подметила это Даффи, но она лишь засмеялась и назвала меня дурочкой. «Он слишком добр ко мне и только», – тогда сказала она.

– О чём это я? Ах да! Рене твои фотки очень понравились.

– Правда?

А это приятно слышать. Если Рене Бернارد снизошла до похвалы, то ты ещё чего-то да стоишь.

– Можешь налюбоваться на них в этом выпуске. Номер появиться в продаже уже в воскресенье. Собственными глазами видела макет обложки с одним из твоих фото. Вышло просто волшебство. И, дорогая... – Её резковатый и самоуверенный голосок стал нежным, как торт «Три шоколада». Такую Даффи, без налёта из пафоса и шика, я обожаю. – Постарайся отвлечься от всей этой истории. Я бы приехала к тебе после работы, но вся неделя уйдёт на то, чтобы распланировать субботнюю вечеринку. Ты будешь в порядке?

– Конечно, Дафф, я уже большая девочка. Всё равно у меня нет заказов на эти дни, поэтому я думаю съездить домой.

– Выходит, – с доброй издёвкой подстегнула подруга. – Не такая уж ты и взрослая девочка, если едешь к мамочке.

– Не нужно быть взрослым, чтобы искать утешения под родительским крылом.

Начальник Даффи ещё трижды окликал её, пока она никак не могла повесить трубку и вернуться за свою статью,

но, в конце концов, на линии запыкали гудки. Чек, что так и остался в моих руках, обжигал пальцы, будто я ухватила за горячую спичку. Конечно, я не собиралась выбрасывать или рвать его. Во-первых, не хотела, чтобы у Даффи случился инфаркт. А во-вторых, это самые лёгкие деньги, которые когда-либо появлялись в моих руках. Пусть появились они не самым честным, и надо признать, благородным способом, но только идиот откажется от десяти тысяч долларов.

Но в то же время, принять их значило бы станцевать под дудку Гранта. Признать, что он победил. Отступить и оставить мысли о том, чтобы раскрыть миссис Беккет глаза на её мужа. А я ещё не решила, вмешиваться мне в эту кашу или оставить её подгорать.

«Налюбовавшись» четырьмя нолями вдоволь, я спрятала чек в комод с нижним бельём, чтобы он не попался на глаза ни мне, ни потенциальным вора, которые бы решили наведаться ко мне в моё отсутствие. Даффи просила отвлечься, а в пустой квартире отвлекаться особо не на что. Лишь спотыкаться и ударяться носом в свою никчёмность и одиночество.

У меня ушло полчаса на то, чтобы побросать самое необходимое в виде пары джинс, блузки, свитшота, сменного белья, фотоаппарата – куда же без него! – и косметички в спортивную сумку, заказать билет на автобус до Кингстона и почувствовать, как душа успокаивается. По счастливой случайности, ближайший рейс отправлялся через сорок минут, так

что я тут же распрощалась с унынием своей квартирки и взяла такси до автовокзала Сауз Стейшн.

До дома, настоящего дома, откуда я уехала на пару с Даффи покорять большой город сразу после школы, всего час езды, но как же редко я там бываю. По большим праздникам и особенно скучным выходным. Мама удивится моему внезапному приезду – обычно я не сваливаюсь вот так, как рояль со второго этажа, но она обрадуется. Почти неделя в стенах родительского дома – настоящее блаженство для того, кто усомнился в мире и ищет пристанище для души. Как хорошо, что не нужно отпрашиваться с работы, брать отгулы за свой счёт или уламывать начальницу вроде Рене о двух днях отдыха на коленях.

Столько раз я отправлялась в путь с этого вокзала, что знала каждый его уголок и уже не боялась его масштабов, как в тот первый раз, когда мы с Даффи вылезли из автобуса, полные юных надежд и тяжёлых сумок. Десять лет назад, а помнится, как вчера.

Табло сообщило, что автобуса до Кингстона ждать ещё пятнадцать минут, так что я со спокойной душой уселась на металлический стул в зоне ожидания и стала рассматривать прохожих. Все куда-то спешили, и никому не было дела до чужих бед. А мне всегда нравилось наблюдать за жизнями незнакомцев. Я фантазировала о том, куда они бегут, кто их ждёт. Серия снимков прохожих и попутчиков в транспорте в моём портфолио, на мой взгляд, оказалась самой удачной.

Именно из-за неё Рене взяла меня «на борт» – в этом она мне призналась после моей пятой фотосессии.

– Любой может сфотографировать готовую картинку, модель, ставшую в идеальную позу. – Говорила она, когда мы прервали съёмки ради чашечки кофе. Свою Рене Бернард в тот раз решила разделить со мной, а заодно и рассыпаться в подкупающих похвалах. – Но ты... Ты видишь прекрасное даже в самых обычных вещах и в самых обычных людях. Своей камерой ты превращаешь заурядность в своеобразие и неповторимость. Именно эту цель и преследует «Санди».

Словаря не хватит, чтобы описать, как польстили мне её слова. Рене Бернард могла быть фурией, холодной глыбой или головной болью. Но ещё она была тем ботинком, что мог одним пинком сбросить тебя с вершины пищевой цепочки в самый низ. Или ключиком, что откроет двери на лестницу твоей карьеры. В тот момент я поняла, что она приоткрывает мне двери и протягивает руку, и была благодарна за то, что могу почувствовать себя уверенней на твёрдой почве её комплимента.

Рука сама потянулась за камерой, глаз сам заглянул в видоискатель. Я захватила в объектив девочку лет пяти на коленях матери. Та причёсывала её светлые кучеряшки и рассказывала что-то интересное, потому что малышка так и светилась счастьем. Получилось очень мило.

Следующей в кадр попала дама преклонных лет и презентабельной внешности. Ой, как она мне понравилась! Такая

живая и какая-то светлая. Ароматная и румяная, как пирожок с яблоками или букетик васильков. Как и говорила, в определении возраста я не сильна, но ей явно за семьдесят, а она пахнет молодостью и красотой. И дело даже не в идеально подобранном пиджачке в пару к длинной юбке в игривую складку. И не в ободке, что приподнимал её давно седую и не тронутую руками колористов шевелюру в объёмную шапочку. И не в премиленьких серёжках-капельках, что болтались на её отвисших от многолетнего ношения украшений мочках при каждом движении. Нет, меня покорила её манера высоко держать подбородок, изящно поправлять седые прядки волос и подкрашивать губы в отражении стеклянной витрины с сувенирами. Сколько бы не было за плечами лет, женщина всегда остаётся женщиной. И *эта* станет гвоздём программы моей следующей подборки для портфолио.

Я поснимала ещё несколько людей. Импозантного мужчину в галстук-бабочке, который выглядел так, будто перепутал привокзальный холл со светским раутом. Подростка со скейтом, который даже попозировал, когда увидел, что я его фотографирую.

Пора было закругляться, так что я подыскала последнюю жертву. Симпатичную блондинку в белом пиджачке, которая прощалась с каким-то мужчиной. Они стояли у самой вывески палатки с хот-догами, так что его лица я не видела, но очень ждала, когда оно появится в поле зрения, чтобы запечатлеть романтическую сцену прощания на вокзале. Пока

удалось захватить лишь девушку и её расстроенное личико, опущенный взгляд и руки парня, сжимающие её руки. Давайте же, мне нужен хороший кадр для коллекции, чтобы отправиться на поиски автобуса, что отходил через пару минут.

И они будто услышали меня. Парень слегка отступил, чтобы не мешать семейству с охапкой сумок, и появился в видеискателе.

Нет! Какого чёрта!

Я убрала фотоаппарат от лица и присмотрелась своими глазами. Затем снова в видеискатель, который приближал снимок и показывал мне каждую деталь. Снова убрала, снова посмотрела. Как глупый щенок, резвящийся с резиновым мячиком.

Сомнений не осталось, хоть они и стояли далековато. Это он. Твою ж... Только не это! На этой неделе хватит одного разбитого сердца. Даффи не заслуживает пережить то же самое, что и я.

Рядом с блондинкой стоял Тайлер, её жених и любовь всей её жизни. Его руки накрыли миниатюрные ладошки девушки, а глаза не замечали никого другого. Конечно, они могли быть хорошими знакомыми или даже друзьями детства, хотя я не помню, чтобы Даффи рассказывала о чём-то подобном. И если уж говорить начистоту, не верю я в дружбу между мужчиной и женщиной. Однако сейчас взмолилась, лишь бы оказаться неправой.

Табло уже кричало мне, что автобус вот-вот покинет вок-

зал и мне придётся покупать ещё один билет, а они всё стояли и никак не помогали мне разобраться в хитросплетении их отношений. Может, они просто держаться за руки? Подумаешь. Это ведь просто жест. Довольно интимный жест, если честно. Дьявол. Что не так с этим миром?!

Я поглядывала на стоянку автобусов, ища глазами свой, но не выпускала из виду эту сладкую парочку. Пока они просто разговаривали. А вот и моя колесница! Красный старичок с табличкой на приборной панели «Бостон – Кингстон – Сандуич – Бруро». Автобус следует до самого Провинстауна, огибая всё полукольцо последнего клочка суши на пути к Атлантическому океану. Пока что его двери ещё принимали пассажиров, поэтому я снова заглянула в видеоискатель и приготовилась щёлкнуть, если Тайлер и эта красотка дадут мне повод.

Если с миссис Беккет я поступала ужасно, меня разрушительную правду на десять тысяч долларов, то перед Даффи я не смолчу и за миллион. Если Тайлер предоставит мне веский повод и наглядное доказательство того, что обманывает свою невесту, как Грант обманывал меня и свою жену, эта фотография первым же делом отправится Даффи в руки.

Чёрт, автобус уже изрядно заполнился попутчиками. Минута до отправления, а они болтают, словно решили поделиться всеми новостями мира. Я наделала кучу ничего не значащих снимков, как они держатся за руки, пару раз чертыхнулась, когда дверь моего автобуса стала закрываться –

отчего благочестивая мадам рядом смерила меня возмущённым взглядом – и, схватив сумку, понеслась за автобусом.

– Стойте! Подождите!

Фотоаппарат больно бился в грудь, рука отваливалась от прыгающей сумки, но я отчаянно перебирала ногами и размахивала билетом, пытаюсь догнать отчаливающий драндулет. Думаю, весь вокзал позабавился этой сцене и немного скрасил ожидание. Всегда пожалуйста, господа! Главное, чтобы мои крики не привлекли внимание Тайлера и его подружки. Пусть фора останется на моей стороне. Стопроцентных улик у меня не было, но если бы он заметил меня, то придумал бы достоверную историю о том, почему он здесь с этой незнакомкой. И это оправдало бы его, а меня выставило подозрительной дурёхой.

Слава богу, водитель пожалел меня, остановился, отъехав на каких-то сто метров, и открыл двери. Я поблагодарила его почти неразборчиво, пытаюсь отдышаться от марафона с утяжелениями, и виновато поглядела на остальных пассажиров, которых задерживала всего на минуту, но они разглядывали меня такими мрачными взглядами, словно по моей вине опаздывали на час.

– В следующий раз приезжайте вовремя, мисс. – Вполне добродушно посоветовал водитель, поиграв густыми усами. Наверняка ему часто приходится воочию наблюдать за подобными крысиными бегами и запускать опозданцев на самом выезде на трассу.

Усевшись на своё место в проходе, я улыбнулась соседке, но грузная женщина с отросшими тёмными корнями отсалютовала мне молчаливым неодобрением и чавканьем жвачки. Что за манеры!

Я планировала весь час пути дремать или проверять директ в Инстаграме, куда часто приходили запросы от постоянных или корпоративных клиентов, но планы иногда меняются. Из головы не выходил Тайлер и его знакомая. А может, и больше, чем просто знакомая. В субботу состоится вечеринка по поводу его помолвки с моей лучшей подругой. Через несколько месяцев они пойдут к алтарю и обменяются клятвами и кольцами. А он пожирает глазами блондинок на вокзале.

Что же мне сказать Даффи?

Глава 6

Четыре дня я избегала разговоров с подругой, хотя та звонила каждый день, чтобы узнать, как я. Приходилось делать вид, что я бодрюсь, и умалчивать о том, что я видела на вокзале в день своего отъезда.

Мама обрадовалась моему приезду так сильно, что взяла отгул, чтобы провести с блудной дочерью хотя бы один полноценный день.

– На почте и без меня обойдутся. – Махнула она рукой на мои возражения не менять привычный распорядок из-за меня. – Не каждый день ко мне приезжает единственная дочка.

Когда автобус выплюнул меня на остановке и покатил себе дальше в следующий пункт назначения, я ещё некоторое время просто стояла на месте с сумкой, фотоаппаратом и чувством ностальгии, осматривая родные края совершенно новым взглядом.

Забегаловка «Блюберри Маффин» всё ещё на месте и за эти десять лет ничуть не изменилась, правда, с моего последнего приезда на Рождество мистер Хоппер хотя бы подкрасил фасад и заменил негорящие буквы на вывеске. На перекрёстке Пилигримс-хайуэй и Мейн-стрит всё так же пахло буррито и острым соусом «Табаско», пары которых навевал ветерок из окон «Канкана». Я позволила себе придаться воспоминаниям и пройти пешком до самого дома. Это не Бо-

стон, где можно заплутать в узелках улиц и простоять час в пробке. Кингстон – сплошной лесной массив с точечными застройками жилых домов и забегаловок с жирным меню.

Я прогулялась вдоль заповедника Калиста на север, к школе Кингстон, в которой проучилась с самых первых классов и в которой познакомилась с Даффи, чья семья перебралась в город в последних классах из ещё более крошечного Милдборо. Улыбнулась дверям библиотеки, где проводила слишком много времени после уроков, и поёжилась у ворот кладбища, за решёткой которого покоились мои дедушка с бабушкой, а также любимый отец. Я пообещала чуть позже обязательно навестить их вместе с мамой, но сейчас из меня была плохая собеседница.

Домишко с тремя спальнями по Риверсайд-драйв когда-то был моим убежищем, а теперь маяком, на свет которого я брела, как корабль, заблудившийся в тёмных водах. Я почувствовала облегчение, едва заметила покатую крышу, устланную черепицей, за кронами облепиховых деревьев. Она теплотой растеклась в груди и согрела все конечности сильнее, чем июньское солнце.

Мы всегда жили просто, но тому были рады. Никакого мрамора на дорожке перед домом. Никаких кирпичных кладок, как на Шервуд-авеню. Одноэтажный дом чуть вытянутый вглубь участка оторочен белыми досками, что давно пора бы покрасить. У мамы больные суставы, да и сложновато в одиночку в её возрасте бегать с кистью и ведром краски на-

перевес. Глядя на стареющий вместе с его хозяйкой домишко, где прошло моё счастливое детство, я проглотила чувство вины.

Ключ нашёлся под вазоном с геранью у двери. Мама всё ещё оставляла запасной в таком неблагонадёжном месте и даже не волновалась, что кто-то может пробраться внутрь. Готова поклясться, что соседи прячут свои ключи под такими же вазами, ковриками или садовыми гномами. Но никто не боится за имущество.

Мама работала до пяти, поэтому к её приходу я разложила вещи в своей спальне, сбегала в ближайшую лавку за пирогом, поболтав на ходу с Мартой, что стояла за стойкой, сколько я себя помню. И, когда мама зазвенела связкой ключей у входа, я уже была наготове принимать её в объятия. Правда, немножко я всё же её испугала, но радости было больше, нежели страха.

Весь вечер мы болтали и наслаждались обществом друг друга. У нас всегда были тёплые отношения, даже в те времена, когда милые девочки превращаются в несносных злюк. Мой характер сложно назвать сахарным, но мама пила чай без сахара.

– Зои, милая, что-то случилось в Бостоне? – Обеспокоенно, но с осторожностью спросила она, когда мы обменялись свежими новостями из двух разных миров и налили по третьей чашке кофе.

– С чего ты взяла, мам? – С наигранной веселостью ото-

звалась я, но мама лишь склонила голову на бок с укором в глазах.

– По твоим глазам. В них поселилась грусть.

От любящей мамы никогда не укроется, что у тебя на душе. Я почти ничего не рассказывала ей о Гранте. Всё, что она знала, – у меня кто-то есть. Ей бы не понравилось, что я встречаюсь с мужчиной на пятнадцать лет старше, да ещё и с видным богачом, у которого я далеко не на первом месте. Она ищейкой вынюхивала, если что-то неладно, и такой союз провонялся бы ей гнилью с самого начала.

Я взяла мамину руку в свою и погладила по слегка огрубевшей коже. Слишком стремительно она стареет. Когда я была здесь на рождественские праздники, около мизинца ещё не было этого тёмного пятнышка. Веки ещё не так низко набежали на когда-то ясные глаза. Кольца её волос ещё не пропускали столько седых ниточек. Она всегда боролась за естественность со всем миром, а теперь приходилось бороться за неё с природой и самой собой. Я знаю, что она ни за что не покрасит волосы, даже когда они превратятся в белый пух. Не станет приукрашивать лицо косметикой, даже когда погрязнет в цепочках морщин.

А ещё я знала, что у неё пусть и сильные руки, но слишком хрупкое сердце. Что она пьёт успокоительные, чтобы крепче спать. А ещё переживает за работу, как за малое дитя, хотя её работу на почте нельзя назвать такой уж ответственной. Именно поэтому я не могу рассказать ей о том, как со мной

обошёлся Грант Беккет. Я ненавидела врать ей, но это была ложь во спасение, поэтому я как можно более правдиво улыбнулась и ответила:

– Просто рассталась с парнем, мам. Ничего серьёзного.

Если она мне и не поверила, то позволила думать, что купилась на эту ложь.

– Всему своё время. – Мудро сказала она, но я так и не поняла, имела она в виду, что я ещё успею встретить свою любовь или рано или поздно расскажу ей правду.

Ночевать в своей детской постели было странно и волшеб-но одновременно. Приятно кутаться в одеяло, что грело меня, когда я выиграла первый творческий конкурс в пятом классе, впервые поцеловалась с мальчиком и решила, что свяжу жизнь с фотографией. В своей бостонской квартире эти два дня меня кружило в водовороте мыслей, в основном о Гранте и его жене, и о том, что мне со всем этим делать. Но здесь, в Кингстоне, в родном доме и с любимым человеком за стенкой, я уснула, едва прикоснулась щекой к подушке.

Это были чудесные четыре дня. Мы вместе завтракали и ужинали, гуляли по вечерам вдоль залива Кингстон, ели мороженое из киосков и много разговаривали. Я наснимала столько видов и столько кадров мамы на фоне этих видов, что из одной этой фотосессии можно составлять целый альбом. Парочку снимков обязательно закину в портфолио. Если кто и достоин там быть, так это мама. Мы навестили родных, что слишком рано от нас ушли, и принесли свежие цве-

ты. Глядя на памятник отца, я мысленно спрашивала небеса, отчего же не все мужчины такие, каким был он?

В среду вечером, обедаясь с мамой пиццей в «Перси», я столкнулась с Мэри Донохью, одноклассницей, человеком из прошлого. В отличие от многих наших она не стала гнаться за красивой жизнью мегаполиса, а нашла своё счастье здесь. Вышла замуж за механика из автомастерской и нарожала полкласса ребятишек. Их было всего трое, но для бездетных это разве что целый табун. Мы мило поболтали и разошлись своими дорогами, как и в прошлом.

В утро четверга я заглянула к мистеру Макдаффи, папе Дафф, что жил на всё той же Кеннеди-роуд, в доме с качелями на заднем дворе, хотя больше некому было на них качаться. Он был удивлён моему приходу так же сильно, как и рад. Всё поглядывал за спину: не привела ли я его дорогую дочурку с собой. Напоил кофе перед работой и поделился фрагментами жизни, но больше, конечно, расспрашивал про его дорогую Эстер, о её успехах и о том, не обижает ли её «этот блондинчик». Будто чувствовал, что между ними с Тайлером не всё ладно. Что его дочке могут разбить сердце. Отцы ведь чувствуют такие вещи не хуже матерей. А ещё говорят, что отцовского инстинкта не существует.

– Не волнуйтесь, мистер Макдаффи. – Как можно более убедительно отвечала я. – Вы ведь знаете свою дочь. У неё всегда всё схвачено.

А в душе я корила себя за то, что уже который раз вру до-

рогим людям, хотя обещала не делать этого. Ложь во спасение – такая же ложь, какими бы благими не были её мотивы.

В единственный мамин отгул я настояла на том, чтобы заняться домом и обновить его внешний облик. Сама заплатила за семь банок краски в «Харбор Тулс», а владелец магазинчика мистер Питерс позаботился о том, чтобы их доставили к нам на крыльцо совершенно бесплатно. Вот она, доброта жителей маленьких городков.

Мы перемазались с ног до головы, потратили целый день на это дело и кое-где наделали клякс, но остались довольны. Фасад побелел и прям-таки засиял, как и моя уgomонившаяся душа.

Даффи, как правило, звонила после работы, когда её начальник Рекс Харпер не мог ворчать, что она отлынивает от работы. Я много раз виделась с ним, и он, на самом-то деле, довольно хороший парень, просто слишком погряз в работе и сроках. Даффи расспрашивала, как я держусь, и решила ли что-нибудь с чеком. На что у меня был один и тот же ответ: – Я нормально. И нет, не решила.

Меня мало заботили эти десять тысяч, скорее разоблачительные фотографии на фотике, где её жених слишком тесно общается с другой. Один раз я чуть не сломалась и не выдала всё как на духу, но вовремя прикусила язык. Пока я не узнаю, изменяет ли Тайлер, я не стану баламутить воду. Не хватало ещё, чтобы из-за моей ошибки пострадала Даффи и её будущая счастливая семейная жизнь.

– Дафф, а где сейчас Тайлер? – Как бы невзначай поинтересовалась я. – Он ведь помогает тебе с вечеринкой? – Отличный предлог, чтобы разузнать о местонахождении её жениха.

– У него срочная командировка в Вустер, так что я пока занимаюсь всем одна.

– Мне очень жаль, что я не могу тебе помочь. А он поехал один?

Слишком нездоровым казалось моё любопытство, но Даффи, казалось, слишком поглощена чем-то своим, чтобы видеть в моём интересе неладное.

– Да. Какое-то важное дело, связанное с разводом.

Значит, та блондина просто пришла на вокзал проститься с ним. Что всё это значит?

– А когда вернётся?

– В четверг вечером. Что-то ты слишком интересуешься работой Тайлера. – Со смехом заметила Даффи, но так и не углубилась в подозрения.

В пятницу пришло время ехать обратно, и впервые я не рвалась в Бостон, мечтая задержаться у домашнего очага подольше. Только вот на завтра в моём расписании стояла съёмка детского дня рождения, а вечером приём у Даффи и Тайлера по случаю помолвки. Так что я крепко расцеловала маму и села на автобус на четыре вечера.

– Ты ведь знаешь, что всегда можешь приехать сюда. – Напомнила мама, поглаживая мои щёки, будто мне снова было

девять. — Здесь тебе всегда рады.

— Знаю, мам. Я тебя люблю.

— Ты бы знала, как я тебя.

Я улыбалась и махала через окно, как будто ехала с классом на экскурсию. Но как только мы проехали указатель «Вы покидаете Кингстон» я не сдержалась и предалась тихой грусти.

Глава 7

Адвокатская фирма «Шэрман и Флай» взлетела на самый верх здания «Форрест Хилл» и свила себе гнёздышко сразу на трёх этажах. Из окон наверняка открывался потрясающий вид на парк, но не каждому позволено его лицезреть. Лишь сотрудникам компании и их богатым клиентам. Я не относилась ни к тем и ни к другим, поэтому даже не пыталась прорваться через пост охраны и запрыгнуть в лифт, следующий на двадцать третий этаж. Лишнее внимание мне было ни к чему, потому я выбрала уютную точку наблюдения в кофейне на противоположной стороне улицы.

Вряд ли «Мариэль» могут похвастаться пятью звёздами за чистоплотность и вкусный капучино, но выбора не было – их огромные окна хоть и редко общались с тряпкой, зато открывали хороший обзор на главный вход. Я могла упиваться кофе и следить за всеми, кто входил и выходил из «Форрест Хилл».

На часах – без одиннадцати шесть. Самое время, чтобы закончить муторную работу в офисе и отправиться на законные выходные, но никто не спешил бросать дела и встречать вечер пятницы. О трудоголизме адвокатов слагают целые легенды, мол, они работают по восемьдесят часов в неделю, ночуют прямо на папках с исковыми заявлениями и могут процитировать правовой кодекс с той же уверенностью, что

ребята за прилавком «МакДональдс» – меню.

На всякий случай я появилась здесь задолго «до». Только сошла с автобуса и даже сумку не закинула домой. Лишний крюк по городу отнял бы бесценное время, которое можно потратить на более полезное занятие. За полминуты я оценила все места, откуда можно заметить всё, что творится во-круг, и в то же время остаться незамеченной, вот и выбрала это кафе. Хорошо, что я прихватила у мамы свою старую кепку, что осталась ещё с первых курсов колледжа. Эмблема фирмы «Найк» была подделкой, зато козырёк оказался неподдельно полезен в моей операции.

Фотоаппарат наготове и ждёт сигнала, когда приступать к работе. А вот я сама совсем не готова. И чувствую себя совсем ни как Шерлок Холмс, а как настоящая предательница.

Я сижу под окнами компании, где работает жених моей лучшей подруги, и жду момента, когда он соизволит пойти домой, чтобы проследить за ним. Не просто так я примчалась сюда сразу с автобуса. Даффи позвонила мне, пока я проезжала Вулластон, и почти пропела в трубку, что на завтрашней вечеринке они с Тайлером объявят всем дату свадьбы, которую выбрали буквально вчера. Выслушав мои обеспокоенные и немного натянутые поздравления, Даффи добавила, что они хотят поскорее связать себя узами брака, поэтому попросила не удивляться, что торжество произойдёт так скоро. А если так, я просто не могу допустить, чтобы подруга совершила ужасную ошибку и разделила жизнь на

до и после, а сердце – на миллионы частей.

– Тайлер сегодня снова не сможет мне помочь. – Вздохнула Даффи в трубку, надувая двадцатый по счёту шарик. – Приходится всё делать самой, чтобы успеть.

– Почему же Тайлер отлынивает? – С раздражением поинтересовалась я. – Это ведь и его вечеринка тоже.

– Да, но у них там какое-то суперважное дело. То самое, из-за которого он ездил в Вустер.

– Что за дело такое?

– Он мне не говорит. Адвокатская тайна и всё такое, ты же знаешь. Он может потерять лицензию или даже сесть в тюрьму, если будет болтать о клиентах. Так что мы постоянно обсуждаем мою работу и никогда – его.

Как удобно. Я чуть не озвучила это вслух, но вовремя одёрнула себя и вообще сделала негласную пометку о презумпции невиновности. Каждый невиновен, пока не доказано обратное. А доказательств вранья и измен Тайлера у меня пока не было. Выступай я в суде на стороне обвинения, защитник бы в пух и прах разбил мою стратегию о томных взглядах на вокзале и сплетённых руках. А Тайлер Филлипс уже много лет ищет лазейки в законе и знает, как его обходить.

Тем не менее, как говорится, доверяй, но проверяй. А я совсем не доверяла Тайлеру. И боялась, что вскоре это недоверие перенесётся на всех мужчин. Грант, Тайлер, все те супруги клиенток, за которыми охотится мой знакомый То-

ни Скайлер. И почему людям спокойно не живётся? Почему они просто не могут любить одного единственного? А если ты не нагулялся, зачем вообще вступать в отношения или делать предложение? Абсурд, да и только!

Вся эта цепочка умозаключений и привела меня за столик «Мариэль». Пока я томила в ожидании, как и бариста за стойкой в безлюдной обстановке кофейни, я уже перепроверила кое-что.

Сперва зашла на страницу Тайлера в Инстаграм и пролистала всех его шестьсот восемь подписчиков, выпуская из вида мужчин и коммерческие аккаунты, и уделяя особое внимание блондинистым особам. Образ той незнакомки с вокзала оказался всё ещё свеж в памяти, но на всякий случай я даже открыла её фотку на камере и принялась сравнивать с профилями всех девушек-знакомых Тайлера. Ни одна из них не показалась мне подходящей кандидатурой. А он хитёр. Наверняка соблюдает дистанцию и пишет ей в директ, но предусмотрительно решил не подписываться на неё, чтобы в случае чего не вызывать подозрений. Сейчас как раз был тот «случай чего», но подозрения у меня всё равно возникли. Больше ни в каких социальных сетях Тайлер не держал аккаунта, так что тут тупик.

Не найдя загадочную блондинку, я пошла другим путём. Отыскала сайт «Шэрмана и Флая» и зашла в раздел «Наши сотрудники». Обычно такая страничка есть у всех компаний и призвана вызывать доверие у клиентов. Сама ком-

пания, может, и вызывала моё доверие, но не их младший юрист Тайлер Филлипс. Его удачная фотография нашлась среди множества других юристов – подумать только, на старших партнёров Шэрмана и Флая, чьи имена шли первыми в списке, трудились девять старших партнёров, пятнадцать младших и восемь помощников юриста, в основном, исполняющих роль мальчиков – и девочек – на побегушках. Тайлер давно перерос эту должность и перебрался с самого низа пищевой цепочки на ступень повыше. Он неплохо справлялся с работой, так что ему уж точно светило кресло старшего партнёра. Когда-нибудь. Даффи так им гордилась. Я слушаю, если скажу, что я нет. Но не теперь. Теперь Тайлер Филлипс для меня самое слабое звено и объект подозрений.

Но следов «моей» блондинки не нашлось и здесь. На этом мои гениальные идеи заканчивались, поэтому я заказала вторую чашку капучино и сэндвич с индейкой, чтобы заесть дыру в желудке и минуты ожидания.

Ровно в шесть из дверей начали постепенно выползать люди, как муравьи из муравейника. Все, как на подбор, в официальных прикидах и с важными лицами. Они могли оказаться кем угодно – коллегами Тайлера или же обитателями других этажей. Я приспустила козырёк пониже на лоб, показывая свои худшие манеры, и, не отрываясь от поедания сэндвича, стала разглядывать всех и каждого. Вполне возможно, скоро появится и Тайлер. Или я замечу в этой серо-чёрной корпоративной толпе нашу блондинку в розыске.

Спустя восемь минут мой шпионский обед исчез с тарелки, а люди всё продолжали выходить, словно там их штамповал огромный конвейер. Ни Тайлера, ни блондинки.

Через ещё пятнадцать минут я уже начинала заводиться, как тарахтящий мотор старенького седана. «Муравьи» разбежались кто куда, а ни один из моих объектов не высунул носа. Я уж решила, что накрутила сама себя, и Тайлер действительно коптитесь над каким-то стоящим делом, заказал себе суши навынос и вливает в себя десятую чашку американо, чтобы оставаться бодрым после десятичасовой смены.

Всё, последняя моя попытка, и я сворачиваю лавочку. Отыскав на сайте «Шэрман и Флай» контактный телефон ресепшен, я позвонила, слегка подрагивая от возбуждения. К моему удивлению, меня не отправили на голосовую почту и не пообещали перезвонить в понедельник в рабочие часы. Премиленькая девушка ответила голосом сладким, как кленовый сироп. Представилась Кэрри и спросила, чем может помочь.

– Подскажите, на месте ли мистер Филлипс? – Попытала я счастья и уточнила: – Тайлер Филлипс, младший юрист.

– Вы знаете, вы опоздали всего на две минуты. – С искренним сожалением ответила Кэрри. – Он буквально только что уехал на лифте. Если хотите, я могу ему что-нибудь передать?

– Нет, спасибо, я позвоню в понедельник.

Значит, он на полпути к выходу. Расплатившись с бари-

стой за отнюдь не выдающийся кофе и сносный сэндвич, я вышла на улицу и укрылась за баннером на остановке. Сумка оттягивала плечо, а камера – шею, но я была настойчива. Набрала ещё один номер, и после не совсем бодрого «алло» Даффи спросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.